

УДК 94(470+436+438.073+439)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/9

К.Я. Грот и Карпато-Дунайские земли

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Константин Яковлевич Грот (22.06 (04.07).1853–29.09.1934) – российский славист, архивист. Второй сын академика Якова Грота, брат философа Николая Грота. Член-корреспондент Российской академии наук. Был одним из учредителей «Русского собрания».

Закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета, ученик В.И. Ламанского. Студентом был награждён золотой медалью за «Разбор свидетельств Константина Багрянородного о южных славянах». Степень магистра получил за диссертацию «Моравия и мадьяры с половины IX по начало X века» (1881). В 1883 г. становится профессором по кафедре славистики Императорского Варшавского университета. В 1889 г. защитил докторскую диссертацию «Из истории Угрии и славянства в XII в.» (1889).

В 1894 г., после смерти своего отца, К.Я. Гроту было поручено издание его трудов и литературной переписки на средства императора Александра III. В 1899 г. К.Я. Грот переехал в Санкт-Петербург. В 1905 был назначен заведующим Общественным архивом министерства Императорского двора.

В 1905 г. в «Новом сборнике статей по славяноведению учеников В.И. Ламанского» К.Я. Грот опубликовал статью «Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях». Это очерк позже был положен в основу изданной и несколько раз переизданной в 1914 г. монографии «Австро-Венгрия, или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях».

В 1907 г. под его редакцией вышла монография «Галицкая Русь прежде и ныне. Исторический очерк и взгляд на современное состояние Очевидца».

В 1914 г. написал брошюру «Великая война и карпато-дунайская монархия (К освещению вопросов недалёкого будущего)».

Автор исследований об известных славистах: А. Будиловиче, П. Кулаковском, М. Лавровском, В. Ламанском, Й. Первольфе, И. Филевиче и др.

После революции в течение нескольких лет управлял вверенным ему Архивом. С апреля 1925 по ноябрь 1929 г. работал научным сотрудником Пушкинского Дома (сверх штата).

Ключевые слова: Константин Яковлевич Грот, Карпатская Русь, Карпато-Дунайские земли, Венгрия, Галиция, Угорская Русь, русины, венгры.

K.Ya. Grot and Carpatho-Danubian Lands

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Konstantin Yakovlevich Grot (June 22 (July 4), 1853 – September 29, 1934) was a Russian Slavist and archivist, the son to Academician Yakov Grot and the brother to the philosopher Nikolai Grot, a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, one of the founders of the Russian Assembly. Grot graduated from the Faculty of History and Philology of St. Petersburg Imperial University, where he was a student of V.I. Lamansky. As a student, he was awarded a golden medal for The Analysis of the Testimonies of Konstantin Porphyrogenitus About the Southern Slavs. Grot received his Masters degree for his thesis Moravia and the Magyars from the Half of the 9th to the Early 10th Centuries (1881).

In 1883, he became professor at the Department of Slavic Studies at the Imperial University of Warsaw. In 1889, Grot defended his doctoral dissertation From the History of Ugria and Slavs in the Twelfth Century (1889). In 1894, after the of Yakov Grot, Emperor Alexander III entrusted Konstantin Grot with the publication of his father's works and literary correspondence. In 1899, Grot moved to St. Petersburg, where in 1905 he was appointed head of the Public Archives of the Ministry of the Imperial Court.

In 1905, in the New Collection of Articles on Slavic Studies by Lamansky, Grot published his article "Carpathian-Danubian lands in the fate of the Slavs and in Russian historical studies." This essay later became the basis of the monograph Austria-Hungary, or the Carpatho-Danubian Lands in the Fates of the Slavs and in Russian Historical Studies, published and republished several times in 1914.

In 1907, he edited the monograph Galician Rus Before and Now. Historical Essay and an Eyewitness's Look at the Current State. In 1914, Grot wrote the pamphlet "The Great War and the Carpatho-Danubian Monarchy (On the Coverage of Issues of the Near Future)." He also authored studies on famous Slavists: A. Budilovich, P. Kulakovsky, M. Lavrovsky, V. Lamansky, J. Pervolf, I. Filevich, and others. After the October Revolution, he was the administrator of the Archive. From April 1925 to November 1929, Grot worked as a researcher at the Pushkin House (over staff).

Keywords: Konstantin Yakovlevich Grot, Carpatho-Danubian Lands, Carpathian Rus, Hungary, Galicia, Ugrian Rus, Rusins, Hungarians.

К.Я. Грот родился в Царском Селе, второй сын академика Я.К. Грота и писательницы Наталии Петровны Семёновой (1824–1899). Был крещён 22 августа 1853 г. в соборе святой Екатерины в Царском Селе. Его воспитателями стали великий князь Николай Александрович и государыня императрица Александра Фёдоровна, в лице её при купели находилась О.Ф. Корф, жена статс-секретаря, тайного советника барона М.А. Корфа [57].

К.Я. Грот был женат на Каролине Стивенсон (03.02.1860–04.10.1934), британской подданной англиканского вероисповедания, в семье родилось четверо детей (Вера, Сергей, Александра, Ольга) [61].

По своим убеждениям К.Я. Грот был славянофилом старой московской школы с её «романтизмом и демократичностью» [51: 215].

История его рода род – пример служения России. Прадедом К.Я. Грота был Ефим Христианович (Иоахим Христиан) Грот (1733–1799), пастор лютеранской церкви на Васильевском острове (с 1771 г. – церковь Св. Екатерины), проповедник, учёный, писатель, основал в Санкт-Петербурге первое страховое общество в России – «Общество для смертных случаев», протестант и старейшина протестантского духовенства Санкт-Петербурга (с 1797 г.) [44: 639].

Как писал К.Я. Грот в «Материалах для жизнеописания академика Якова Карловича Грота (1812–1893). Вступительный очерк. Предки, семья и детство», его прадед пользовался «неизменным благоволением и сочувствием императрицы Екатерины II, переселился в Россию из Голштинии (ныне – южной части земли Шлезвиг-Гольштейн) в конце царствования императрицы Елизаветы Петровны». Иоахим (Яким, Ефим) Христиан Грот родился 14 июня 1733 г. в голштинском городе Плон (Плён (Plön)), который когда-то был древним славянским поселением. Его отцом был адвокат местного герцога, мать – дочь придворного проповедника. В 1751–1753 гг. учился в Йенском университете, затем стал кандидатом на должность проповедника в родном городе, преподавал в дворянских семьях Киле и соседних населённых пунктах, стал членом Кильского «Общества изящных наук». Во время Семилетней войны в 1758 г. был приглашён домашним пастором к русскому губернатору Кёнигсберга генерал-аншефу барону Н.А. Корфу, стал его секретарём. Здесь он сошёлся с Иммануилом Кантом и немецким писателем-юмористом, юристом Теодором Готлибом фон Гиппелем. В Кёнигсберге Грот прожил два года, в 1760 г. он переехал в Санкт-Петербург, куда перевёлся барон Корф. Гроту было тогда 27 лет, Россия стала его второй родиной [28: 1–4].

В 1766 г. он женился на Христине Сусанне Энгельгардт, третьей дочери уже покойного тогда доктора медицины и директора Сухопутного госпиталя Николая Фридриха Энгельгардта. От этого брака у Ефима Грота было двое детей: сын Карл Христиан (Карл Ефимович), отец Якова и Константина Карловичей, и дочь Амалия, бывшая замужем за К. Липком. В 1783 г. пастор Грот овдовел и в 1785 г. женился вторично на дочери бременского купца Марии Бушер [28: 8–9].

Семья пастора Грота была дружна с семьёй Цизмеров (Ziesmer), вероятно, выходцев из Восточной Пруссии, глава семьи был неgociантом, с женой был в разводе. В 1804 г. К.Е. Грот женился на К.И. Цизмер. У них было четверо детей. Первый сын (Александр) умер во младенчестве. Дочь Роза, родившаяся в 1811 г. стала впоследствии писательницей-переводчицей (псевдоним К.Р. Аполлонская), Яков (родился в 1812 г.) и Константин (в 1815 г.). Жили Гроты скромно. К 1812 г. Карл Ефимович перешёл с должности старшего столоначальника 3-й Экспедиции для свидетельства государственных счетов в Департамент государственных имуществ и стал начальником отделения [28: 38–39, 42]. Став чиновником Департамента государственных имуществ, он получил чин коллежского советника [27: 9], выслужив право на личное дворянство.

К.Е. Грот был отличным пловцом и неоднократно переплывал Неву. Однажды в начале июля 1818 г. он пропал, вероятно, утонул, купаясь в Неве. Его одежду нашли на берегу [28: 43]. Потеряв мужа, Каролина Ивановна посвятила себя детям и их воспитанию [28: 44]. Император назначил вдове пенсию в размере полного жалования её мужа (3 тыс. руб. в год) [27: 9]. Она умерла в Гельсингфорсе 24 августа 1852 г. [28: 44].

По свидетельству Я.К. Грота, «она, хотя и была по происхождению немка, но любила все русское и, почитая Россию своим единственным отечеством, воспитала нас в любви к русскому языку и народу, в привязанности и благодарности к России» [28: 56].

Отец К.Я. Грота Яков Карлович (1812–1893) стал лингвистом и историком литературы, профессором Императорского Александровского (Гельсингфорсского) и Императорского Санкт-Петербургского университетов, вице-президентом Российской академии наук.

В 1823 г. К.Я. Грот был зачислен в Царскосельский лицейский пансион, благодаря прошению матери на имя императора Александра I. Император через начальника Главного штаба уведомил «госпожу коллежскую советницу Грот», что «государь император, снисходя на просьбу её, Высочайше повелеть соизволит старшего её сына поместить на казённый счёт в пансион Царскосельского лицея» [28: 57, 69–70]. В 1826 г. он стал первокурсником лицея. В 1832 г. он

закончил лицей с золотой медалью и чином IX класса (титулярный советник, давал право на личное дворянство). После выпуска из Лицея он служил в канцелярии Комитета министров (под начальством М.А. Корфа), потом – при Государственном совете, где он переписывал официальные бумаги для государя. Одновременно он продолжал совершенствоваться в иностранных языках, изучает историю России, писал стихи [27: 9–10; 35: 179–180].

В 1840 г. он стал чиновником особых поручений при статс-секретаре княжества Финляндского, в 1841–1852 гг. – профессор русского языка и словесности в Гельсингфорсском университете. В университете читал лекции на шведском и русском языке. При его участии в 1849 г. в журнале «Современник» был опубликован перевод финского народного эпоса «Калевала» на русский язык. Для финских школьников он написал учебники русского языка и книги для чтения по истории России [27: 12–13; 35: 180]. В 1850 г. он женился на Н.П. Семёновой [27: 18].

Наталья Петровна Семенова (1824–1899), писательница, уроженка Рязанской губернии, была дочерью героя войны 1812 г., писателя-драматурга и пародиста П.Н. Семенова (1791–1832) и сестрой Николая Семенова и Петра Семенова-Тян-Шанского [34: 14].

В 1852 г. после смерти матери Грот решает переехать в Санкт-Петербург. В декабре его избрали членом-корреспондентом Императорской академии наук по II отделению. Он также стал наставником и учителем великих князей – Николая и Александра (будущего императора Александра III) Александровичей. В январе 1853 он прибыл в Санкт-Петербург [27: 20–21]. Александр Александрович «ценил мнения и компетентность Я.К. по предметам его ведения» [24: 4]. «С личностью старого наставника у государя были без сомнения глубоко связаны дорогие для него воспоминания детства и юности» [24: 5].

В 1853–1862 гг. он – профессор кафедры словесности Александровского (бывшею Царскосельского лицея). С сентября 1859 г. оставил придворную службу [27: 20, 25, 28]. В 1889 г. он утверждён вице-президентом Императорской академии наук в Санкт-Петербурге [27: 45].

Я.К. Грот скончался 24 мая 1893 г. Получив доклад об этом от министра народного просвещения, император написал на докладе: «Меня эта смерть весьма огорчила. Я знал Якова Карловича более 35 лет и привык любить и уважать эту достойную личность» [24: 5]. Говоря о похоронах учёного, К.Н. Бестужев-Рюмин написал: «в этот день провожали не только видного учёного деятеля, но и одного из благороднейших и чистейших людей Русской земли. Когда вполне будет рассказана его жизнь, она послужит примером и поучением грядущим поколениям» [2: 12].

16 декабря 1912 г. во время торжественного собрания Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук в честь столетия со дня рождения академика Я.Г. Грота во вступительном слове академик А.А. Шахматов отметил: «Наш язык нашёл в Гроте неутомимого исследователя, много потрудившегося между прочим, над популяризацией научных о нём знаний. Многолетними его трудами достигнуто упорядочение нашего правописания. Гротом положены основания русского словаря, памятника современного литературного и живого языка. История нашей культуры и духовного развития в отдельных частностях разработана Гротом разносторонне: им извлекались для этого материалы из истории языка, литературы, быта; широкое научное и литературное образование давало ему возможность освещать эти данные умными соображениями и ценными обобщениями» [45: 1].

Другой сын Карла – Константин Карлович (1815–1897) тоже закончил Царскосельский лицей, впоследствии стал губернатором Самарской губернии (1853–1860), председателем основанного им Мариинского попечительства о слепых и т. д. [44: 639–640].

Старший брат Константина Яковлевича Грота Николай (1852–1899) стал русским философом, профессором Московского университета (с 1886), председателем Московского психологического общества, первым редактором журнала «Вопросы философии и психологии» (с 1889) [44: 641–642].

К.Я. Грот учился в частной Петербургской гимназии Видемана (до 1867 г.), а затем в Ларинской казённой гимназии, закончив курс в 1872 г. с золотой медалью [34: 14]. Затем поступил на историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1874 г. избрал своей специальностью славяноведение «не только следуя своим внутренним влечениям, но и, несомненно, под сильным влиянием университетских чтений Владимира Ивановича <Ламанского> и той духовной атмосферы, которая невольно создавалась около него, его кафедры кружка его молодых почитателей» [32: 15; 33: 219]. Надо отметить, что в своё время магистерская диссертация В.И. Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859) была издана при содействии Я.К. Грота [51: 153].

К.Я. Грот посещал лекции В.И. Ламанского, курсы И.И. Срезневского и В.Г. Васильевского [34]. Его настолько «увлекли славянские интересы и сочувствия», что уже в начале третьего курса стал членом петроградского славянского комитета, где видную роль играли В.И. Ламанский и его ученик А.С. Будилович [32: 15; 33: 219–220].

Закончив университет в 1876 г. со степенью кандидата, К.Я. Грот был награждён золотой медалью за студенческую работу «Разбор

свидетельств Константина Багрянородного о южных славянах», которая была издана в 1880 г. Автор поднял сложные вопросы древней истории южных славян, показал великие этнические движения в Европе, которые привели к переселению сербов и хорватов на Балканы, и подробно рассматривал их историческую жизнь на новой родине на Балканах. Как отмечал позже В.А. Францев, сегодня некоторые положения исследования К.Я. Грота устарели, его этимологические толкования неприемлемы, но была эта первая попытка всестороннего анализа сообщений Константина Багрянородного и работа стала ценным вкладом в изучении южнославянской этнографии и балканской истории [60: 6–7].

После окончания университета К.Я. Грот был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре славянской филологии (у профессора Ламанского). Летом того же года он совершил путешествие в Чехию и Моравию. В Праге он познакомился с рядом учёных и общественных деятелей [41: 679]. Ранее К.Я. Грот бывал в Чехии вместе с семьёй: восьмилетним мальчиком в 1861 г., когда его родители приехали в Теплице на лечение и в 1867 г. [60: 30].

Он продолжил свою учёную подготовку, а также стал преподавать русский язык и литературу в двух частных (женских) учебных заведениях. С осени 1878 г. К.Я. Грот провёл около трёх месяцев у своего брата профессора философии в Нежине (в историко-филологическом институте кн. Безбородько), где «важным подспорьем в работе» стало общение с профессорами-славистами А.С. Будиловичем и «старым товарищем и спутником по поездке в Моравию в 1876 г.» Р.Ф. Брандтом [25: 1104–1106, 34].

С А.С. Будиловичем он более близко сошёлся осенью 1876 г. в Нежине, а затем осенью 1878 г. «Общение и частые беседы с Будиловичем, указания и советы такого сведущего специалиста, уже непосредственно знакомого с славянским миром и с виднейшими представителями славянской науки и жизни на западе и юге, – были для меня чрезвычайно полезны и важны, и сам Антон Семенович с присущими ему отзывчивостью, добротой и готовностью быть полезным шёл радушно навстречу при всяком обращении к нему и готов был служить и указаниями и своей богатой уже библиотекой» [25: 1104–1106].

Весной 1879 г. сдал магистерские экзамены у профессоров В.И. Ламанского, И.И. Срезневского, А.И. Веселовского [25: 1106]. Под влиянием В.И. Ламанского он избрал темой своей магистерской работы историю Моравии во время появления венгров в Европе. В 1881 г. он закончил, защитил и напечатал диссертацию «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века» [41: 679–680]. Вопреки

одностороннему мнению большинства учёных, считавших вторжение венгров на Тисо-Дунайские равнины фатальными и пагубными для западного славянства, К.Я. Грот, признавая бедствия, причинённые дунайским славянам мадьярским погромом, отстаивал мнение, что мадьяры помогли сдерживать немецкий натиск на восток. Таким образом, немцы больше пострадали после венгерского нашествия [60: 7–11].

В 1882–1883 г. К.Я. Грот совершил научную командировку в славянские земли Австро-Венгрии и другие страны. Большую часть времени он проработал в Праге, также учёный побывал в Вене, Будапеште, Белграде, Загребе, Любляне, Будишине [41: 680]. Так же он посетил Новый Сад, Триест, где тоже работал в местных архивах и библиотеках [34]. Как отмечал В.А. Францев, К.Я. Грот был одним из тех русских славистов, которые досконально знали чешскую историю и литературу, в молодом возрасте путешествовал по чешским землям, познакомился со многими выдающимися учёными и поддерживал с ними связь [60: 29].

В 1883 г., в связи со смертью В.В. Макушева, К.Я. Грот (через профессора Будиловича [34]) был назначен экстраординарным профессором на славянскую кафедру Императорского Варшавского университета [41: 683–684]. Первую лекцию в университете он провёл 16 сентября 1883 г. К.Я. Грот читал лекции по истории славян и славянской литературе [11], позже стал читать курс славянских древностей. Он преподавал также чешскую литературу [41: 684–685]. Некоторые лекционные курсы К.Я. Грота были изданы в конце XIX в. [51: 215].

В 1885–1886 г. он снова был в научной командировке, её время совпало с его женитьбой. Летом посетил Англию (Лондон и Оксфорд), поработал в Британском музее. Результатом научных изысканий стала статья «Лондонские заметки. Славянские рукописи Британского Музея» («Русский филологический вестник», 1887. Т. XVII. С. 1–29) [34]. Затем он собирал в Праге, Вене и Будапеште материалы для докторской диссертации. Диссертацию «Из истории Угрии и славянства в XII в.» он защитил в 1889 г. в Императорском Санкт-Петербургском университете [41: 685]. Его труд получил высокую оценку и был награждён академической Уваровской премией [5]. Автор развивает концепцию двух враждебных миров (латино-германского и греко-славянского), использует все известные в его время источники, анализирует их и впервые в историографии поднимает вопрос о венгеро-русско-византийских взаимоотношениях [41: 694].

Как писал В.А. Францев, в диссертации автор рассмотрел небольшой период в истории Венгрии, который венгерские и немецкие учёные обычно называли эпохой «византийского влияния». К.Я. Грот считал это неправильным. По его мнению, это была эпоха борьбы с

усиливающимся влиянием Византии, и эта борьба составляет суть венгерской политической жизни того времени. Западное влияние в Венгрии в то время не только не уступало византийскому, наоборот, всё больше набирало силу [60: 12].

С 1894 по 1896 г. К.Я. Грот был в командировке в Санкт-Петербурге. Ему было поручено издание трудов и литературной переписки его отца на средства императора Александра III. Он издал три тома «Переписки Я.К. Грота с П.А. Плетневым» [СПб., 1896] со своими примечаниями [41: 685].

Осенью 1896 г. К.Я. Грот вернулся в Варшаву и до весны 1899 г. продолжил преподавать в университете. За это время он издал два первых тома «Трудов Я.К. Грота», новое дополненное издание книжки «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», написал отзыв о представленной на соискание премии имени А.А. Котляревского монографии профессора А.Н. Ясинского «Падение земского строя в чешском государстве» [34].

По семейным обстоятельствам (тяжёлая болезнь матери, скончавшейся летом 1899 г.), он, выслужив пенсию, вышел в отставку и переехал в Санкт-Петербург. Здесь он продолжил работать над архивом отца [34].

С 1901 г. К.Я. Грот – действительный статский советник, состоял при Министерстве народного просвещения, был председателем Комиссии по государственным испытаниям в Харьковский и Московский университеты, председателем издательского отделения Общества ревнителей исторического просвещения (1904-1909) [4: 449].

В этом же году он издал сборник статей «Об изучении славянства. Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете и средней школе» (СПб., 1901), который вызвал немало откликов. Тогда же он стал одним из учредителей «Русского собрания» [52: 11], первой русской общественной право-монархической организации.

В 1905 г. его пригласили возглавить Общий архив Министерства императорского двора [41: 686; 47: 466]. Благодаря К.Я. Гроту в 1904–1916 гг. были изданы «Камерфурьерские церемониальные журналы» за 1805–1817 гг. (всего 40 томов) с объяснительными «Приложениями» и «Алфавитный указатель» за 1695–1774 гг. Архивом он заведовал 17 лет, в т. ч. и 5 лет при Советской власти [34; 41: 686; 58: 452].

В 1905 г. по случаю 50-летнего юбилея В.И. Ламанского был издан «Новый сборник статей по славяноведению учеников В. И. Ламанского». В нём он опубликовал очерк «Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях» [23].

С 1900 по 1915 г. он выпустил следующие труды: Грот Н.П. «Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков» (СПб., 1900), Грот К.Я. «По поводу школьной реформы» (СПб., 1901), Грот Н.Я. «Философия и её общие задачи» (СПб., 1904), «Н.Я. Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей» (СПб., 1911), издаёт оставшееся два тома «Труды Я. К. Грота» (СПб., 1901, 1903) [34].

В 1904–1909 г. К.Я. Грот стал председателем издательского отделения «Общества ревнителей исторического просвещения». Среди изданных за это время книг были «Галицкая Русь прежде и ныне» (1907), «Св. Кирилл и Мефодий и культурная роль их в славянстве и России» Е.И. де-Витте (1908), «Славянство и мир будущего» Л. Штура (2-ое изд., СПб., 1909) [34].

Вкладом в изучение истории своего рода и собственной семьи, родственных связей стали, в частности, материалы по биографии своих деда, тёти. Позже, особенно после выхода на пенсию, он стал более активно заниматься этой работой. Многие из его последних работ, к сожалению, так и не были опубликованы, часть из них не вошла в его библиографию [53].

Ему принадлежит ряд исследований о лицейском периоде творчества Пушкина и издание «Пушкинский лицей (1811–1817). Бумаги 1 курса, собр. акад. Я.К. Гротом» (СПб., 1911). Как написал учёный в предисловии: «значительную часть публикуемых материалов составляют литературные упражнения товарищей Пушкина, его собратьев по перу» [26: X].

Он – автор исследований о творчестве поэтов и писателей XIX в., а также об известных славистах: А. Будиловиче, П. Кулаковском, М. Лавровском, В. Ламанском, И. Первольфе, И. Филевиче, А. Добрянском и др. [41: 686; 698–699].

В 1911 г. К.Я. Грота избирают членом-корреспондентом Императорской академии наук в Санкт-Петербурге [41: 686].

В 1912 г. К.Я. Грот приступил к разработке и изданию биографических и историко-литературных материалов, связанных с деятельностью его отца Я.К. Грота и других родственников учёного. К 100-летней годовщине рождения Я. К. Грота были изданы два выпуска «Материалов для жизнеописания академика Якова Карловича Грота». В 1915 г. к 100-летию со дня рождения своего дяди Константина Карловича Грота, им был опубликован первый том издания «К.К. Грот как государственный и общественный деятель» [34].

В 1914 г. он издал книгу «Австро-Венгрия, или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях» [30]. В основу её был положен очерк «Карпато-Дунайские земли в судьбах

славянства и в русских исторических изучениях». Монография была несколько раз переиздана. Её логическим продолжением стала брошюра «Великая война и карпато-дунайская монархия (К освещению вопросов недалёкого будущего)», вышедшая в этом же году [31].

К.Я. Грот был награждён орденами св. Владимира III ст., св. Анны II ст., св. Станислава I ст., медалями «В память императора Александра III» и «В память 300-летия царствования дома Романовых» [4: 449; 47: 467].

Всю жизнь К.Я. Грот, как и его отец, всегда старался оказать помощь другим исследователям. Примером тому служит его многолетняя переписка с А.К. Жизневским, одним из основателей Тверского музея и первым председателем Тверской губернской учёной архивной комиссии. К.Я. Грот высоко оценивал деятельность учёного из провинции: «Это прекрасное дело, за которое Вам будет обязано потомство, и примеру Вашему должны бы следовать во всех местностях России, но жаль, что таких просвещённых деятелей, как Вы, у нас мало» [6: 162].

После революции 1917 г. К.Я. Грот несколько лет управлял вверенным ему архивом, затем после реорганизации архивов, вышел в 1923 г. на пенсию [41: 686]. В конце жизни он заботился о передаче семейных архивов в советские учреждения. В частности, он передал архив Я.К. Грота в Музей русской литературы [41: 686].

О том, что К.Я. Грот принял новый строй свидетельствуют его размышления в записке «Мой взгляд на переживаемую эпоху» (1930). В ней учёный выразил «свой взгляд и своё отношение к происшедшему великому перевороту в нашей истории, к пролетарской диктатуре, новому политическому и социальному строю и вообще к современному положению России в Европе и в отношении к капиталистическому миру» [50: 389]. Он писал, что его «прежняя дореволюционная идеология об образовательном и культурном подъёме народа на степень сознательного участия и роли в государственной жизни России, уже в известной мере освещала образовавшееся у меня скоро принципиальное положительное отношение к великому историческому перевороту, вызванному революцией, к пролетарской диктатуре, к утверждению значения и решающей роли в государственном управлении народных масс – в лице рабочих и крестьянства, а затем и к основной идее социализма, именно: безусловного равенства и братства людей и бессловности, – так как такое мировоззрение вполне совпадало с моими христианскими религиозными воззрениями или, вернее, с моими нравственными принципами в понимании религии не в смысле той или другой церковности или исповедания, а в смысле веры в какое-то высшее, непостижимое человеческому уму начало» [50: 391].

В конце 1933 – начале 1934 г. начались аресты учёных, закончившиеся ликвидацией организационных структур славяноведения. Пострадали знакомые К.Я. Грота. Вероятно, эта тяжёлая обстановка повлияла на Константина Яковлевича [50: 309].

Он умер 29 сентября 1934 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

К.Я. Грот был действительным членом Петербургского отделения Славянского благотворительного общества (с 1864 г., с 1915 г. – почётный член) и Русского географического общества (с 1901 г.), членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук (с 1917 г. – Российская академия наук), Чешской академии наук и искусств (с 1903 г.) и Общества любителей древней письменности (с 1905 г.), почётным членом Сербской королевской академии наук (с 1892 г.), Археологического отдела Чешского музея (с 1904 г.), Пушкинского лицейского общества (с 1911 г.) и Археологического института в Петербурге (с 1913 г.) [41: 699; 58: 451].

В своё время Л.П. Лаптева отметила малое количество литературы о К.Я. Гроде, хотя он прожил долгую жизнь и пережил большинство своих современников. Нам, как и Л.П. Лаптевой [41: 677], не удалось отыскать ни одного некролога в советских изданиях. Это, вероятней всего, было из-за «дела славистов» и разгрома славяноведения в СССР в 1934 г.

Л.П. Лаптева условно разделила все творчество К.Я. Грота на три части: исследования древнего периода истории славян, освещение вопросов, связанных с развитием славянской духовной культуры в новое время и изучение состояния славяноведения и деятельности учёных славистов второй половины XIX – начала XX в. Также он писал путевые очерки, рецензии, статьи в энциклопедии и словари [41: 687].

Значительное количество исследований К.Я. Грота посвящено истории Карпато-Дунайских земель, в них уделено внимание и русинской проблематике.

В магистерской диссертации «Моравия и мадьяры с половины IX по начало X веков» (1881) предметом его исследования стали «образование и судьба Великоморавского политического союза на среднем Дунае; упорная борьба его с Восточно-Франкскою державой, настойчиво и последовательно стремившеюся, со времени торжества над аварами, к порабощению славянских племён на Дунае и к распространению на восток своего политического и церковного господства; духовно-просветительская деятельность незабвенных апостолов св. Кирилла и Мефодия; успехи немцев в борьбе за церковную власть и в деле германизации восточно-альпийской территории и Паннонии; наконец, вторжение в великую Дунайскую равнину мадьяр, давших

новый, неожиданный поворот истории этих стран, их поселение здесь, покорение Моравии, а затем решительное торжество над немцами, надолго отброшенными этой победой от среднего Дуная» [10: IX]. Последний тезис учёный будет развивать в последующих своих работах.

В предисловии автор «выразил искреннюю признательность» В.И. Ламанскому за оказанное «содействие многими полезными советами, указаниями и замечаниями, а также и другим лицам» [10: XXIV]. Работа состоит из предисловия, четырёх глав («Вступительный очерк: взгляд на судьбу средне- и ниже-дунайских земель до начала IX в.», «Очерк политических отношений на среднем Дунае перед мадьярскими погромами», «Мадьяры: их выселение, странствования до водворения на среднем Дунае», «Поселение Мадьяр на среднем Дунае и Тиссе и их торжество в борьбе с Моравией и Восточно-Франкской державой»), общих заключений о перевороте, произведённом мадьярами на среднем Дунае, указателе личных и географических имён [10: I–VIII].

В диссертации автор пишет: «славянское население, расположившееся в восточно-дунайских землях, т. е. Молдавии, Трансильвании и может быть отчасти Валахии, и ныне оставившее на себе следы лишь в местной номенклатуре, было русское, т. е. совершенно однородное с тем, которое соседило с ним на востоке, в пределах нынешней России (по Днестру, Днепру, его притокам и севернее). То же русское население издавна заняло и северо-восточный прикарпатский край Угрии, на север от Трансильвании, откуда оно затем распространилось на запад и юго-запад, колонизировало, вероятно, весь северо-восточный угол тиссо-дунайской равнины и восточные окраины Угрии» [10: 63].

Он ссылаясь на мнение австрийского историка и географа Р. Рёсле-ра, который сделал вывод «не столько на исторических соображениях и известиях (вообще очень скудных), сколько главным образом на топографической номенклатуре в Молдавии, Трансильвании и в их соседстве», которая «решительно свидетельствует о том, что когда-то распространённое здесь славянское население было именно русское. Действительно, о существовании некогда в Трансильвании русского населения свидетельствуют такие названия мест, которым уже присуще обозначение русских (напр., Reussdorf, Reussen, Reussmarkt, Russberg, Russholz, Oroszfaja, Oroszfalu, Oroszmezö и т. д.)» [10: 65–66].

К.Я. Грот подчеркнул, что «славянское население территории древней Дакии в своей главной массе (главным образом, в Трансильвании, Молдавии и северо-восточной Угрии) принадлежало русской ветви, но очень может быть, что в Валахии, как мы уже выше высказали предположение, славяне были одноплеменны со славянами болгарскими» [10: 94]. Он упомянул, что «в южных степях России, в этой

Лебедии Константина Багрянородного мадьяры впервые ближе познакомились с тем племенем, от которого им позднее пришлось ещё столько заимствовать и в государственном, и в домашнем быту, и в нравах, и в языке. Кое-что из этой славянской стихии, наверное, привилось к ним уже в эпоху их общения с русскими славянами между Днепром и Доном (а затем и в "Ателькузу"). Это первоначальное славянское влияние – в противоположность хозарскому – происходило исключительно в сфере внутреннего, домашнего и семейного быта, повседневных житейских отношений, а тем самым должно было уже тогда отчасти проникнуть и в язык. Среди русских славян мадьяры познакомились впервые ближе с оседлою земледельческою жизнью, с её трудами, занятиями и обстановкой» [10: 220].

Упоминая о том, что «большая часть черноморской равнины от Днепра до нижнего Дуная была населена в IX веке (хотя и негусто, конечно) русскими славянами», об этом говорит Нестор, однако известия в летописи об этом скудны, искажены, и трудно определить «какие именно русские племена заселяли эту равнину, насколько она простиралась на запад» [10: 275]. Не позже конца IX в. племена уличей и тиверцев были оттеснены печенегами на север [10: 277].

К.Я. Грот считал, что мадьяры застали в «Ателькузу», тиверцев, которые до этого были частично истреблены, частично вытеснены печенегами, оставшихся мадьяры поработили. Т.е. мадьяры вступали в контакт со славянами в Лебедии (Леведии), нижнем Дунае (Ателькузу) и на новой родине на среднем Дунае [10: 279].

«Поселившись на новой территории, мадьяры приобрели и новых соседей. Соседями этими были: на север и северо-восток, вдоль гор Карпатских – довольно многочисленные славяне: с одной стороны соплеменные моравским славянам (предки нынешних словаков), с другой – русским; на востоке – славяне Трансильвании, принадлежавшие также к русской ветви, и затем, хотя и немногочисленное, но все-же составлявшее важный этнический элемент, горное романское (валашское) население; на юго-восток, в прежних мадьярских жилищах – печенеги, которые, впрочем, соседи с мадьярами не непосредственно; на юге, за Дунаем – частью болгары, частью хорваты; на юго-западе и западе словенское население и немецкие владения Восточной марки; наконец на северо-западе – славяне Моравского княжества» [10: 312–314].

Автор делает вывод, «что если мадьяры своим вторжением в дунайскую равнину и поселением в ней и нанесли глубокую рану славянам и стали для них причиной многих бедствий и в прошедшем, и в настоящем, зато своим своевременным вмешательством в жестокою борьбу немецкой народности с дунайскими славянами и

неизмеримым вредом, нанесённым Германии и всему западу, они в конце концов дали благоприятный оборот славянскому делу на Дунае в IX веке и надолго остановили дальнейший рост политического, культурного и всякого вообще преобладания немцев на среднем Дунае, принимавшего тогда уже значительные размеры и грозившего действительно великим и роковым для всего западного славянства несчастьем» [10: 422–423].

В рецензии на диссертацию К.Я. Грота член-корреспондент Императорской академии наук в Санкт-Петербурге по Отделению русского языка и словесности В.В. Макушев отметил, что этот труд «составляет драгоценный вклад в историческую науку: он решает весьма важный вопрос об историческом значении "мадьярского погрома", т. е. о вторжении мадьяр в великую дунайскую равнину, о покорении ими Моравии и о торжестве их над немцами». Рецензент привёл две точки зрения на вторжения мадьяр: общераспространённую, что «мадьярский погром был одним из величайших бедствий, когда-либо постигших славянство» и точку зрения, поддерживаемую немногими учёными, что «от мадьярского погрома более пострадали немцы, чем славяне». Справедливость последнего взгляда «неопровержимо доказал г. Грот в своей диссертации». В.В. Макушев в заключении написал: из «перечня вопросов, рассмотренных г. Гротом в его диссертации, видно, что она имеет важное значение для истории не только западных славян, но и русских, мадьяр и даже немцев» [43: 149, 152].

В 1883 г. в «Известиях Императорского Русского географического общества» была опубликована полемика Н.Я. Данилевского с К.Я. Гротом по поводу ряда положений последнего в работе «Моравия и мадьяры с половины IX по начало X веков». В своей монографии учёный показал путь переселения мадьяр на место их нынешнего жительства. Он отметил, что во время переселения мадьяры делал как минимум две значительные остановки: в степях южной России между Доном и Днепром («Лебедия» Константина Багрянородного) и в низовьях Дуная (местности, называемой Багрянородным Ателькузу, часть Бессарабии и Молдавии), оттуда они и двинулись в долину Тисы [36: 220–221]. Касаясь пути мадьяр в Лебедию (вопрос о её нахождении до сих пор является дискуссионным. – С.С.), К.Я. Грот считал, что они шли по Каме и Волге на Оку, затем вверх по Оке к верховьям Дону. На Оке они пошли «торговым путём» «перевалом на Дон к хазарам» [36: 227].

Н.Я. Данилевский считал данный путь «невозможным». Этими путями мадьяры «идти не могли», они бы «перемежили бы с голоду». Он считал, что мадьяр было от 80 до 100 тыс. чел. и они шли скученно, распугивая дичь, которой было не так много, рыбы тоже было

бы недостаточно. Исследователь приводит примеры из настоящего времени. По прибытии в Лебедию тоже питаться было нечем. Он считал, что путь мадьяр надо разделить на две части: «из их финской прапрародины, Биармии – лесной Пермской или Вятской губернии в их степную прародину, где они ономадились, и второй: из этой последней в Лебедию». «Промежуточной станцией» Н.Я. Данилевский считал восточную часть Уфимской и северную часть Оренбургской губерний, т.е. предгорье южного Урала. Здесь они «обашкирились», т.е. стали «вполне кочевниками». Н.Я. Данилевский считал, что «Лебедия это – степь, следовательно нет никакой надобности помещать её в окрестности Лебедяни и Лебедина в губернию Курскую и в северную часть Харьковской и Воронежской, а прямо в Таврическую, Екатеринославскую и южную часть губерний Воронежской, Харьковской и Полтавской, т.е. в ту самую страну, в которой и всегда жили кочевники, преемственно изгонявшие друг друга, откуда и мадьяр выгнали печенеги и заставили переселиться в другую часть той же степи, в Заднепровскую "Ателькузу"», куда они уже прибыли настоящими кочевниками [36: 231–242].

Отвечая на замечания К.Я. Грот отметил, что численность орды Данилевский сильно преувеличивает, вряд ли мадьяры двигались скученно, подобно войску; в лесах в то время дичи было в изобилии; рыба служила только дополнительным источником питания, да и в то время её водилось больше; в ту пору Волга и Ока были шире и многоводнее, чем ныне и на их берегах не могло быть густого леса, учитывая постоянные разливы и изменения русла рек. Учёный согласился с оппонентом, что местоположение Лебедии могло быть южнее, что объяснение происхождения названия Лебедия может быть от травы лебеда (у венгров родственный вид травы – дикий шпинат – называется *laboda*). Однако этим Н.Я. Данилевский «подрывает только-что упомянутое своё мнение об исконном существовании лесов в Южной Руси» [6: 244–246].

В 1883 г. в «Сборнике статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его учёной и профессорской деятельности» вышла статья К.Я. Грота «Новые труды по истории Венгрии». В ней он отметил «необычную и оригинальную судьбу» историографии Угрии. Хотя ей посвящали свои труды не только мадьяры, но и представители исторической науки других европейских наций, «едва ли прошлое какой-либо другой страны в Европе обработано так ещё неполно, несовершенно и односторонне» [12: 58]. Население старой Угрии (Венгрии), писал автор, состояло «с самого её образования из двух главных элементов, славянского и мадьярского, к которым уже гораздо позднее присоединился

первоначально малочисленный, и лишь в последствии, особенно в Новейшее время, сильно размножившийся пришлый румынский элемент». Причём, «мадьяры и славяне – вот народности, которые создали древнюю Угрию, которым она обязана своим могуществом и значением в долгий период своего самостоятельного бытия» [12: 59].

К.Я. Грот подчеркнул, что «чем одностороннее и пристрастнее работы немцев и мадьяр по истории Угрии, тем желательнее является разработка этой истории славянскими вообще, и, в частности, русскими учёными. К сожалению, до сих пор славянская историческая наука вообще далеко не достаточно вводила Угрию в круг своей деятельности, не останавливала на ней того внимания, которое она заслуживает» [12: 60]. Автор указал, что средневековая Угория выросла и развивалась «на чисто-славянской почве, по преимуществу из славянских элементов, под непосредственным воздействием славянского духа». Он считал, что русские учёные, «стоя совершенно вне мелкой национальной и политической борьбы в Австро-Венгрии» могли бы заняться разработкой истории угорского государства. «Они в своих исследованиях могут быть всего беспристрастнее и объективнее, а с тем вместе им должны быть всего ближе, знакомее и понятнее те православно-славянские основы и стихии, благодаря которым создавалась Угория, и которые продолжали в ней жить и проявляться до конца, несмотря на рано начавшееся могучее разлагающее влияние запада, его политики, церкви и культуры» [12: 61].

В статье он даёт оценку двум новым книгам по истории Угрии (Jos. Lad. Pic. *Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht. Ein Beitrag zur Kritik der älteren ungarischen Geschichte.* Leipzig, 1882; Heinrich Marczali. *Ungarns Geeschichtsquellen im Zeitalter der Árpádén. Von der ungarischen Akademie der Wissenschaften gekrönte Preisschrift.* Berlin, 1882), вышедшим на немецком языке.

В 1885 г. в «Мефодиевском юбилейном сборнике, изданном Императорским Варшавским университетом к 6 апреля 1885 года», К.Я. Грот опубликовал статью «Взгляд на подвиг славянских первоучителей с точки зрения их греческого происхождения». В ней автор подчеркнул, что св. Кирилл и Мефодий были греки, хотя есть учёные, «которые вопреки достоверным свидетельствам источников» предлагают гипотезу о славянском происхождении солунских братьев. Если бы удалось доказать, задаёт вопрос исследователь, что в солунских братьях текла славянская кровь, чтобы из этого следовало? [13: 1–3]. «Мы и тогда сказали бы, что Кирилл и Мефодий были истые греки, что истыми греками являются они перед нами, так сказать, от головы до пяток – по всему: по языку, воспитанию, образованию, по духу и настроению ума, одним словом всем своим духовным существом,

своей духовной природой; они были в полной мере продуктами греческой высокообразованной общественной среды и греческой культуры, наконец сами себя считали греками, и этого для нас уже было бы достаточно» [13: 3].

К.Я. Грот отметил, что «для нас, славян православных, связанных во всем своём духовном организме, верой и культурой с греками и их миром, дело представляется совершенно иначе»: в факте их греческого происхождения «заключается весь смысл их великого подвига на пользу славянства». Автор считал, что дело апостолов заключалось в следующем: они наделили славян «письменностью, литературным языком, священными книгами на этом языке» [13: 4]. И «если задача Кирилла и Мефодия первоначально и не была общеславянской, то она очень скоро как-бы сама собой, а в сущности благодаря именно их отношению к ней, расширилась в таковую и что таким именно общеславянским вышло все их просветительное дело» [13: 7].

Отметил учёный и «враждебное отношение Рима к деятельности Кирилла и Мефодия ещё с IX в.» вполне естественное и понятное: Кирилл и Мефодий были не только сынами восточной церкви, «они были вдобавок византийцы и греки по происхождению и всей своей духовной сущности», подчёркивая, что уже в ту эпоху антагонизм «между западом и востоком, между латинским и греческим культурными типами» был «настолько уже глубок и силён» [13: 20]. 6 апреля «бесчисленные массы паломников из разных католических земель славянских со своими духовными отцами и наставниками» соберутся в моравском Велеграде, чтобы торжественно почтить память великих славянских первоучителей. У исследователя это вызывает недоумение, учитывая, что «слуги римского престола» «в течение тысячи лет не переставали распинать их святое дело и коварно подкапываться под ту церковь, к которой они всецело принадлежали» [13: 21–22].

Й.Л. Пич (О.В. Пич) издал новую книгу по румыно-венгерскому вопросу: «Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage» (1886). В своей рецензии К.Я. Грот отметил, помимо всего прочего, что автор стоит на позициях антинорманизма («варяго-руссы, будь они норманны, не могли бы быть основателями этого своеобразного национально-славянского быта»), «посвящает более внимание восточному, т. е. русскому славянству». Также он придерживался взгляда «о проходе мадьяр в дунайскую равнину через Русские Карпаты (с северо-востока)» [14: 14–15, 24, 31].

В 1889 г. вышла монография К.Я. Грота «Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141–1173)» (докторская диссертация), которую автор назвал «политической историей Угрии». Он рассмотрел период с вступления на престол Гейзы II (1141) «до многознаменательного

события 1173 года, именно возведения на угорский престол воспитанного в Византии призванного оттуда Арпадовича, византийского кандидата, полугрека и мануилова свояка Белы III [15: X]. Учёный охарактеризовал данный период, как эпоху «внешнего завоевательного натиска Византии и отпора ему, которым сумел воспользоваться латино-германский запад для своего усиления в Угрии» [15: VIII]. Помимо внутреннего положения страны, К.Я. Грот уделяет внимание связям с соседними государствами, в т.ч. и Русью. Диссертация состояла из предисловия, введения, двух глав (Гейза I, Преемники Гейзы и Византия), заключительных замечаний об изложенном периоде, приложений и указателя личных и географических имён [15: XIII–XX].

В предисловии автор подчеркнул значение этого периода «политической жизни средневековой Угрии», «как интересной и важной области европейской и частности славянской истории», пользу изучения угорской истории для разработки «историй юго-западной Руси, южных славян, Чехии, Польши, наконец, Византии» [15: VII–VIII]. Он отмечает сближение Угрии с Русью, начавшееся после вступления на престол Гейзы II. «Эти издавна начавшиеся разнородные сношения обуславливались и родством русской Угрии с Русью соседних княжеств и вообще с южною Русью, и политическими интересами угров, побуждавшими их вмешиваться во внутренние дела русских князей, которые часто сами призывали их себе на помощь, и много значившими в те времена родственными связями государей» [15: 421].

Однако, «с одной стороны византийская интрига, с другой без сомнения и происки латинства не замедлили разорвать эти отношения». Отчуждению между Угрией и Русью в 50-е гг. XII в. способствовали не только «влияния латино-немецкие» в Угрии, но то, что на Руси в то время «совершался процесс перемещения государственного и политического средоточия с юго-запада на северо-восток, из Киева в земли суздальскую и ростовскую». Ослабла «сила взаимного тяготения обоих государств вследствие разобщения их интересов». Это отразилось на «судьбах самих западно- и южнорусских краёв, но и на политическом национальном бытии западных, сопредельных с Русью славянских народностей, особенно ближайшего угорского славянства». Связи с западнорусскими, особенно, с Галицким княжеством, не прекратились, «в силу непосредственного соседства и одноплемённости населения по обе стороны Карпат» [15: 422–423].

В рецензии, опубликованной под псевдонимом в «Историческом вестнике», отмечались «живое слово, полный прагматизм и разумное включение в рамки своего исследования жизни других народов», исследование «одной из любопытнейших эпох мадьярской истории». Рецензент констатировал, что «если все произведения

г. Грота (рассматриваемое нами третье из числа серьёзных) обладают указанными достоинствами, то русская историческая наука может поздравить себя с таким работником, а мы можем пожелать, чтобы скорее нашёлся подобный же исследователь прошлых судеб России, свободный от эгоистической программы немецкого историка и не создающий китайской стены из-за угодливо усвоенной немецкой кропотливости» [1: 200–201].

В 1891 в № 8 «Варшавских университетских известиях» вышла статья К.Я. Грота «Из истории давних угро-славянских отношений» [3: XXVII].

В 1900 г. появилась его обширная рецензия на труд А.Н. Ясинского «Падение земского строя в Чешском государстве. X–XIII вв.». Её подробно в своё время рассмотрели Л.Н. Лаптева [40: 127–128; 42: 588–590] и М.Я. Робинсон [48: 104–107]. Последняя считала, что в этой рецензии обнаруживается «наиболее ярко славянофильская основа методологических воззрений» К.Я. Грота [48: 104]. Л.Н. Лаптева, говоря о «наиболее подробном разборе» книги А.Н. Ясинского, сделанном К.Я. Гротом и который равен по объёму половине монографии, указывает, что его рецензия «хотя и признает её серьёзные достоинства, в основе содержит критику авторской концепции, причём со славянофильских позиций» [40: 127].

В рецензии К.Я. Грот снова отстаивает идею враждебности романо-германского мира греко-славянскому. Он высказал мнение, что такая тема должна рассматриваться «в широких рамках изучения культурно-исторического развития западно-европейского (романо-германского) мира сравнительно с восточным (византийским) и исторических отношений и сближения славянства с тем и другим [18: 111].

Он считал, что «постоянные многообразные сношения с Германской империей, сожительство с немцами – и пограничными, и колонизирующими края и города Чехии – не могли не отражаться на складе понятий и привычек чешского общества (особенно придворных сфер и высшего класса), направляли их вкусы и симпатии в известную сторону, и таким путём, при особенно усердном содействии церкви, духовенства, а также литературы, прививались обществу собственно чуждые славянской жизни и характеру социальные понятия, принципы и взгляды на государственные и церковные отношения» [18: 195–196].

К.Я. Грот написал несколько статей в «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», в которых коснулся и русинской проблематики. В статье «История Венгрии» (1892) он упоминал, что в IX в. «территорию будущей Венгрии населяли: славяне – в северных и частью восточных карпатских краях (русские, предки словаков), на юго-западе

по Саве и Драве, в древней Паннонии и Норике (словенцы), более разрозненно – в Трансильвании, Банате и других соседних местностях, ещё реже – в центральной тиссо-дунайской равнине». Исследователь указал, что племя мадьяр «в начале IX в. перекочевало через Волгу и после довольно продолжительной стоянки в южно-русской степи ("Лебедия" Константина Багрянородного, в соседстве и зависимости от хазар и в соприкосновении с русскими славянами», что король Андрей I († 1061) был «приверженец восточной веры, женатый на русской кн. Анастасии Ярославне», что при короле Людовике I Великом (1342–1382) «прибыл в Венгрию и поселился в Мукачевской области русский князь Федор Кориатович, из Подолии, с массой русских переселенцев», что во время февральской революции 1848 г. «против мадьяр готовы были подняться словаки, русские, румыны, немцы». Говоря о политике мадьяризации, начавшейся в конце XIX в. и которой подверглось невенгерское население страны, учёный подчеркнул, что «о славянах нечего и говорить: с ними, особенно со словаками и угрорусами, не церемонились вовсе, мадьяризуя их систематически, подавляя и пресекая у них даже всякое народно-литературное движение и предприятие» [16: 887–889, 891, 895–896].

В статье «Славяноведение (славистика)» (1900), описывая развитие славяноведения в Австро-Венгрии, исследователь упомянул, что «в Черновцах (в Буковине) преподаёт славянскую филологию русско-польский славист Эм. Калужняцкий, известный рядом прекрасных монографий о малорусских памятниках и по старой письменности славянской, русской и польской. В Галиции славянскую филологию читали в последнее время поляки». Упомянул он, что и у румын есть славянская кафедра в Бухаресте, «занятая молодым славистом венской школы И. Богданом. В старшем поколении выдаётся в этой области известный филолог Б.П. Хаждеу» [19: 303]. Он отметил вклад карпаторусса Ю. Венелина «в болгарскую отрасль славистики». Перечислил ряд исследователей: «в галицко- и угрорусской учёной литературе по славистике особенно известны имена А.И. Добрянского, Я. Головацкого, А. Петрушевича (Львов), И. Верхратского (Львов), Ом. Огоновского, И. Шараневича (Краков), Е. Калужняцкого (Черновцы) и др. Во Львове и Черновцах работают и молодые ученики Ягича – А. Колесса, Е. Козак и др.» [19: 299, 304].

В своей речи в Варшавском университете 30 августа 1893 г. «Мадьяры и славяне в прошлом. Исторические справки о славизме в государственной жизни Угрии» (опубликована в «Варшавском университетском вестнике» (1893, № 6), также вышла отдельной брошюрой) К.Я. Грот остановился на вопросе «об отношениях мадьяро-славянских в старые времена, о том, чем мадьяры обязаны славянам и чем они

с другой стороны сами были для последних в продолжении почти всей своей тысячелетней истории» [17: 2]. Приход мадьяр в Паннонию привёл к основанию в второй половине X в. самостоятельной угорской, «в существе своём мадыро-славянской державы, которая, объединив дунайское славянство, хотя и под верховенством чуждой и пришлой силы, до некоторой степени не могла не унаследовать исторических задач павшей Моравии» [17: 5].

Автор не рассматривал «мадырский погром, как безусловное бедствие для славянства». Наоборот, он считал, что «мадыры, нанеся само собою разумеется значительный удар дунайским славянам, образовали зато для них, следовательно вообще для греко-славянского мира – сильный оплот против латино-германского запада», который сами славяне, будучи разрозненными, создать не могли [17: 5–6].

В свою очередь, как отмечает учёный, славяне, «находясь на высшей степени культуры» и превышая мадьяр по численности, «дали им все то, что помогло им стать на ноги в среде европейских народов, главным образом относительно западной Европы и сохранить свою индивидуальность: лишь с помощью славян, в тесном союзе и сотрудничестве с ними. Мадыры завоевали себе видную историческую роль и современное политическое значение». Исследователь указал на «элементы и факты мадыро-славянской взаимности» и их 900-летнего «дружественного исторического сожителства» [17: 6].

Говоря об участии «славянской стихии» в образовании угорской державы, автор указывает на «этнографический состав земель, государственно объединённых» мадырами, на «сильную примесь славянской крови к мадырской». Отслеживая угорскую историю с X в. до Нового времени, знакомясь с «современным типом мадыр, их жизнью и бытом, наконец их языком» можно увидеть яркий отпечаток славянской стихии, следы её воздействия и опеки» [17: 6–7].

Автор перечисляет главные элементы, «которые питали и поддерживали славизм в Угрии»: этнический момент; культурно-бытовой; вероисповедный или церковный; династический и политический. Далее он подробно останавливается на каждом [17: 10]. К.Я. Грот подчеркнул, что «Арпадовичи, первоначальная и единственная национально-мадырская династия Угрии, царствовали до начала XIV в. (1301), т. е. почти две трети всего периода политической самостоятельности Угрии», имели значительную долю славянской крови. Многие из них были в близких родственных отношениях с разными славянскими династиями Чехии, Польши, Руси, Сербии и Болгарии, что «заметно отражалось на их настроении и политике». Многие Арпадовичи были женаты на славянках, дочери королев выходили замуж за представителей славянских царствующих родов [17: 16].

Он считал, что при Людовике Великом (Лайоша I (1342–1382), «в жилах которого текла славянская кровь», «славянский элемент Угрии достигает апогея своего роста: он естественно подавляет все прочие и политически господствует». При нём «с Угрией соединяются Польша и Галич, на юге она овладевает Бдынской Болгарией, утверждает своё влияние в Сербии и Боснии, – свою власть в утраченной было Далмации; наконец на востоке принимает в свои пределы массы русских переселенцев с князем Фёдором Кориатовичем из Подолии» [17: 25].

Впоследствии короли – зять Людовика Сигизмунд I Люксембург (1387–1437), Владислав (Ладислав Постум, Ласло V (1444–1457)), Матьяш I Корвин (Матьяш Хуньяди (1458–1490)), Владислав (Уласло II Ягеллон (1490–1516) и его сын Людовик II (Лайош II Ягеллон (1516–1526) продолжали поддерживать связи со славянскими странами и сохраняли славянское влияние в Угрии [17: 25–27].

После поражения под Мохачем в 1526 г. «лишь в восточной (Затисской и Трансильвании) удержался ещё представитель угорской независимости – бывший претендент на корону угорскую, Иоанн Запольский». Трансильвания (Семиградье) «оставалась очагом угорской политической независимости до конца XVII в.» [17: 27–28].

Рост национального самосознания мадьяр с конца XVIII в. привёл к мадьяризации представителей других этносов. В 1848 г. славяне (в первую очередь, хорваты) помогли Австрии подавить выступление мадьяр. В 1867 г. австрийский дуализм отдал «все народности Угрии в полное распоряжение мадьяр» [17: 31–32].

В небольшой рецензии на книгу О.А. Мончаловского «Житье и деятельность Ивана Наумовича» (1899), опубликованной в газете «Новое время» К.Я. Грот написал, что уже 8 лет прошло со смерти знаменитого «просветителя Галицкой Руси», протоиерея Ивана Григорьевича Наумовича, «а память о нём ещё свежа и долго будет жить на Руси, приютившей этого славного деятеля на склоне его многострадальной жизни». Не только для земляков, «но и для всего русского общества» знакомство с его жизнью, идеалами и принципами, «хрустально-чистой и честной русской душой высокопоучительно». О.А. Мончаловский изложил последовательно жизнь и труды И. Наумовича, излагает материал по истории Галицкой Руси, пользуется обширной перепиской И. Наумовича и другими источниками, даёт его «обильные цитаты», «живо иллюстрирует главные моменты деятельности его по поднятию русского духа в народе», «по очищению русско-униатского обряда от католических примесей, наконец, по просвещению народа», создал «целую народную литературу», учил крестьян «любить свою церковь и народность», «истории Руси, быть трезвыми и трудолюбивыми», «заниматься умело хозяйством» [39].

В очерке «Об изучении славянства. Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете и средней школе» (1901) К.Я. Грот предложил «читателям набросанный мною недавно сжатый очерк развития славяноведения, к которому присоединяю прежние свои случайные заметки о важности этого предмета и новые – о желательной ныне постановке славистики в университетах и о том, что нужно для её популяризации». Очерк представляет собой расширенный вариант статьи, написанной для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона [20: 3–4]. К.Я. Грот считал, что «славяноведение, к сожалению, до последнего времени не пользовалось вовсе популярностью не только в широких кругах нашего образованного общества, но даже и в наиболее просвещённых, учёных и литературных сферах» [20: 2]. Работа состоит из предисловия четырёх глав («Исторический очерк развития славяноведения», «Русское общество и славянство», «Знакомство со славянством», «Славяноведение в русских университетах) и заключения [20: 3–4]. Первая глава – статья «Славяноведение» из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

Касаюсь предстоящей реформы средней школы, К.Я. Грот пишет, что «полное отсутствие элементов славяноведения (если не считать беглых и случайных упоминаний) в программах нашей школы является странным, непонятным и в высшей степени чувствительным пробелом в системе общего образования. Оно находит себе объяснение только в нашей национальной незрелости и, в свою очередь, поддерживает последнюю» [20: 46]. Обратил автор внимание на «неполноту в постановке славяноведения в наших университетах» [20: 50]. К.Я. Грот выступил за «существенное улучшение постановки славяноведения в университетах и введение его элементов в среднюю школу, в учебные программы гимназий как мужских, так и женских, и реальных училищ» [20: 59], а также за «усиление и расширение издательской деятельности наших славянских обществ», «основание русского периодического органа по славяноведению», «организацию книжных сношений со славянами», использовать для развития славянских изучений «периодическую печать и журналистику», «личное ознакомление нашего общества со славянами, с их землёй, народом и жизнью» («почему наши люди так охотно посещают западноевропейские страны ..., и совсем почти не посещают земли своих соплеменников»). Для последнего вопроса «должны быть изданы толковые и достаточно подробные путеводители по всем славянским землям на русском языке и на местных славянских, в каковых давно уже чувствуется надобность». Автор призвал правительство и общественность обратить внимание на перечисленные проблемы [20: 60–64].

В официальной газете Царства Польского «Варшавский дневник» В.А. Францев в статье «Об изучении славянства» высказал ряд дополнений по поводу некоторых пожеланий К.Я. Грота о славянском книжном деле и общеславянском журнале. Говоря о самом сборнике, он написал: «профессор К.Я. Грот возымел прекрасную мысль издать в виде отдельного сборника ряд своих статей» [7; 8].

В очерке «Памяти Адольфа Ивановича Добрянского», написанном в 1902 г. к годовщине смерти «знаменитого угрорусского вождя» и 85-летию со дня его рождения К.Я. Грот отметил, что русское общество проявляет «отсталость и равнодушие ко всему, что касается вообще западного славянства, но и даже наших ближайших родичей, зарубежной Руси» [21: 16]. Учёный, будучи лично знаком с А.И. Добрянским, обратил внимание, что тот «обладал исключительным даром покорять себе сердца и умы людей» [21: 18]. В начале 1883 г. К.Я. Грот провёл несколько месяцев в Вене, как раз после нашумевшего Львовского процесса, на котором обвинялись «в преступной политической пропаганде и государственной измене» некоторые галицко-русские деятели, в т. ч. и 65-летний Добрянский. В это время, как вспоминает автор, Добрянский, погрузился «в кипучую плодотворную работу» (кирилло-мефодиевское движение в Чехии и Словакии, основание общины православных чехов в Вене, возникновение ряда «влиятельных органов общеславянских интересов»). Он также вдохнул «новую жизнь» в несколько славянских «бесед» и академических кружков», был желанным гостем в доме протоиерея русской православной церкви М.Ф. Раевского [21: 20]. В то время К.Я. Грот готовил материалы к своей диссертации из истории Угрии XII в., а его прежняя работа была А.И. Добрянскому хорошо известна. Последний в разговорах «высказывал интересные замечания и наблюдения как по древнейшей истории, по исторической и настоящей этнографии Угрии, так и по вопросам современных славяно-мадьярских отношений, причём, естественно, переходил часто к своим личным воспоминаниям». Добрянский был «прекрасный знаток современной этнографии Австро-Угрии». Он любил останавливаться «на специально им изучаемых вопросах церковно-культурных в старой Угрии и новейшей Австро-Венгрии, начиная с просветительной деятельности Кирилла и Мефодия и до настоящих смутных религиозных отношений: успехов латинства, роли унии и искусственного разъединения православных в Австро-Венгрии, Галиции, Трансильвании, Буковине и Румынии» [21: 21].

В 1904 г. К.Я. Грот опубликовал в «Правительственном вестнике» статью «К истории славянского самосознания и славянских сочувствий в русском обществе (из 40 годов XIX столетия)». Затем она вышла

отдельным оттиском. Описываемый период (30-е и 40-е) – активное научное изучение «народности в области истории, этнографии, старой письменности, языкознания», серьёзно поставленных к этому времени. Немало накопилось материала «в нашей литературе и журналистике, в современных записках, литературной переписке русских деятелей и писателей». С 1835 г. учреждаются славянские кафедры в университетах [22: 1].

В 1905 г. в «Новом сборнике статей по славяноведению», составленном и изданном учениками В.И. Ламанского, при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности вышла статья К.Я. Грота «Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях». В ней он развивает концепцию двух враждебных миров. В начале статьи автор критикует «рабскую зависимость от идей и точек зрения западного, романо-германского мира» в «области исторических изучений» [23: 69]. Он отметил, что «истории этих Карпато-Дунайских стран в границах старой Угрии, а равно и поглотившей её Австрии, а потом Австро-Венгрии у нас до сих пор не уделялось ни в науке, ни в её популяризации подобающего им по значению внимания, что, напротив, эта область оставалась всегда в каком-то странном пренебрежении и запущении». Для этого достаточно посмотреть «специальную и общую литературу предмета», отсутствие этой темы «в наших исторических программах» [23: 71].

По мнению автора, «данная территория своими географическими, этнографическими и культурными условиями издавна занимала среди других земель совершенно особое положение, наложившее своеобразный характер на всю её историю и все её отношения к западу и востоку Европы. Здесь изначально происходила встреча и столкновение различных рас, миров и культурных типов» [23: 72]. Термин «Карпато-Дунайские землями» учёный понимал в более широком смысле: «включая сюда и прилегающие к собственно угорской территории, с ней исторически и этнически связанные окраинные австро-венгерские области, т.е. более или менее в объёме Австрийской монархии в её целом, объединившей карпато-угорские ветви славянства с его крайними западными форпостами в Чехии и у Адриатики». Как отмечал автор, точнее эту территорию следовало бы назвать «Карпато-Альпийско-Дунайской» [23: 75–76]. В Карпато-Дунайских землях «сходятся и имеют своих представителей» русские, поляки, чехи, словаки, словенцы, хорваты, сербы и болгары (некогда в Трансильвании) [23: 80–81].

Карпато-Дунайские земли были «преддверьем романо-германского Запада для греко-славянского Востока и обратно, промежуточным звеном и переходным поясом между сложившимися тысячу лет назад

на западе и востоке Европы своеобразными культурно-историческим мирами». В этих землях проявилась наступательная роль Запада. Учёный высказал мнение, что «вторгавшиеся сюда и располагавшиеся здесь, на равнинах среднего Дуная, в разные времена насильники-азиаты монгольского, турецкого и тюрко-финского племён, приносили гибель, разорение и гнёт одинаково для всего арийского населения этих стран; их услугами часто пользовались во взаимной борьбе обе враждовавшие стороны; но временно поработав и притесняя славян, эти чуждые восточные племена силою вещей и обстоятельств сживались и срастались (если не ассимилировались) с окружавшею их этнической средою греко-славянства, умножали силы последнего и становились невольны или вольно его оплотом, и вместе грозой и бичом для европейского Запада» [23: 78].

Исследователь показывает периоды «на которые вполне естественно распадается исторический путь, пройденный Карпато-Дунайскими землями и их народами»:

«I. Со времени расселения славян (V в.) до конца IX-го и нач. X в., т. е. до водворения мадьяр на Среднем Дунае.

II. С начала X до конца XIII в., т. е. до прекращения народной угорской династии и образования под боком сильного Австро-Габсбургская ядра.

III. С конца XIII или начала XIV в. до 1526 г., т. е. до турецко-габсбургского разгрома Угрии, потери ею самостоятельности и раздробления.

IV. С 1526 г. до конца XV, II в., т. е. до изгнания турок из Венгрии и почти полного и окончательного поглощения Угрии Австро-германской державой.

V. С конца XVII в. до последних десятилетий XIX в. (до 1867 г.), до создания искусственной системы дуализма, до сильнейшего обострения внутренних австро-венгерских отношений.

VI. С 1867 г. – новейшая эпоха дуализма и крайнего осложнения и обострения внутренних народных отношений, которые должны привести, по-видимому, или к распадению Австро-Венгрии или к созданию в этой монархии какой-либо иной государственной системы, или группировки» [23: 83–84].

Первый период (VI– IX в.) – период «ещё несложившихся этнических и политических отношений»: опустошительные набеги и временное господство кочевников, передвижение и расселение славян из-за этой угрозы в западном и южном направлении, первые попытки у славян средне-дунайских и «окраинных» на западе создать свои политические организации и объединения, чтобы дать отпор враждебным силам, надвигающимся с запада, начинающаяся борьба с германским миром, в которую к концу IX в. вмешались но-

вые пришельцы и «создали здесь новое положение и в этническом, и политическом отношениях» [23: 84].

Гунны освободили славян от готов, авары довершили это дело, «помогши многочисленным славянским племенам среди грозы опустошительных походов в пределы Византийской империи с одной стороны и франко-германских владений с другой – наводнить собою средне-дунайские, восточно-альпийские и южные, задунайские земли (до берегов Адриатики и за самые Балканы)» [23: 85]. «Образование монархии Карла Великого, а особенно воссоздание в союзе с папством новой Священной римской империи и церковный раскол» привели к решительному наступлению на Восток, «на возникающий новый славянский мир» [23: 85].

«Погром мадьярский», опустошение западных, прежде всего германских земель, образование Угорской державы «задержали наступательное движение романо-германского мира в эту сторону и направили на новый исторический путь Карпато-Дунайскую область и славянство как бывшей Моравии, так и соседнее, с ним связанное» [23: 88].

«Уже в нач. XI в., а особенно после Стефана Св., Рим одержал в Угрии решительную, хотя на первых порах и более внешнюю победу. Этого было достаточно для успеха дальнейших завоеваний». Одновременно начались попытки «германской имперской силы» к политическому вмешательству в дела Угрии, к территориальным захватам [23: 90]. Крестовые походы способствовали укреплению политических отношений с Западом, наступательная политика Византии принуждала Угрию искать опору у западных соседей [23: 91]. Далее автор кратко характеризует остальные периоды.

В своей статье К.Я. Грот обратил внимание на «отсутствие до сих пор в русском обществе и в русских властвующих сферах истинного интереса к внутренним отношениям, национальной борьбе, культурной жизни и стремлениям славян в Австро-Венгерской монархии и ещё царствующие у нас по этой части поразительный туман или просто невежество» [23: 130]. Он перечисляет русских славистов, благодаря которым «изучение судьбы и этнографии Карпато-Дунайских земель, вопросов западно-славянского или "восточного", и в частности – австро-угорского обязано также многими дельными и важными указаниями, руководящими соображениями и замечаниями». Среди них: В.И. Ламанский, Нил Попов, А.А. Кочубинский, И.И. Первольф, А.С. Будилович, И.П. Филевич [23: 132].

Учёный отметил, что «братская нам русская народность Галиции и Венгрии, эта давно нами утраченная многострадальная часть нашего народа, её судьба политическая, социальная и культурная» находится

«до сих пор в неимоверном и непонятном запущении и пренебрежении» в российской историографии, славистике и у специалистов по русской истории. Правда, ныне замечен «некоторый поворот к лучшему». Больше здесь повезло угроруссам. «Это маленькая ветвь русского дерева, подавленная тяжёлым гнётом мадьяризма», стала изучаться славистами, благодаря, в т. ч. «голосам нескольких своих выдающихся представителей (в Новое время – А.И. Добрянского)» [23: 137].

В 1907 г. под редакцией К.Я. Грота вышла книга «Галицкая Русь прежде и ныне. Исторический очерк и взгляд на современное состояние Очевидца». В предисловие говорилось, что русское общество «не может похвалиться сколько-нибудь отчётливым знанием и пониманием как истории, так и современных условий и обстановки жизни той свыше трёхмиллионной части русского народа, которая, политически давно оторванная от своего племенного ствола, обречена жить и бороться за свои национальные права под тяжким гнетом чуждых ей стихий и столь нуждается хотя-бы в нравственной дружественной поддержке великой и независимой братской России». И издание этого очерка, «составленного уроженцем Галиции, историком и знатоком галицко-русской жизни» восполняет это пробел. Книга состоит из шести глав: I. Очерк истории Галицкой Руси до присоединения её к Австрии; II. Взгляд австрийского правительства и поляков на русский вопрос в Галиции в продолжение XIX века; III. Борьба русских галичан с поляками за своё существование (1900–1906); IV. Внутреннее состояние Галицкой Руси; V. Последний год; VI. Общий вывод. Значение Галицкой Руси для русского мира [9].

В заключительной главе автор указывает на важные вопросы, по которым Галицкая Русь «должна привлекать к себе взоры всего русского мира». Во-первых: борьба двух элементов (русского и польского) и двух течений: восточного и западного. «Вековые антагонизмы, национальные и религиозные ожили с новой силой, и над ними господствует одно стремление – создать Польшу в границах Ягеллонов» [9: 102]. «Польско-русские отношения в Галиции – это неоценённая наука и для Державной Руси. Последняя должна наконец обеспечить слабейший элемент русский в Южной Руси, если не желает, чтоб поляки посредством искусно расставленных здесь топких сетей конституционной формы правления закрепили его и захватили в сферу своего губительного влияния и власти, как это произошло в Галиции» [9: 103].

Во-вторых, вопрос о единстве русского народа. В Галиции «ведётся ещё другая борьба, внутренняя, в самом галицко-русском обществе, глубоко затрагивающая весь русский организм, – борьба, быть может,

имеющая великое значение для будущности всей Руси. Здесь уже свыше полувека не погасает борьба за один принцип: существует ли одна неделимая святая Русь, и будет ли в будущем Русь составлять один, хотя разнообразный, но сильно сплочённый в себе организм, или Русь распадётся на дробные атомы?» [9: 103]. «И теперешний момент решает, как кажется, судьбу южнорусского и белорусского населения» [9: 104].

Книга вызвала ряд положительных рецензий. В частности, А.И. Яцимирский писал, что «настоящий очерк даёт живое и популярное изложение судеб трёхмиллионного русского населения Галиции», отмечая, что большое количество фактов составляют «главное достоинство очерка г. Очевидца» [59: 714–715]. Другой рецензент отмечал, что «в темах, задаваемых в очерке прошлого и настоящего Галиции, сыщется немало связующего и с нашими собственными общественными и политическими отношениями и делами». Однако он считал, что книга «не вполне приспособлена к широкому кругу читателей»: история и внутреннее состояние Галицкой Руси «набросаны в ней бегло и попутно», публицистика требует «известной подготовки читателя», «невразумительны для него эти речи на так называемом русинском языке» [38].

В 1909 г. под редакцией К.Я. Грота и Т.Д. Флоринского появилось второе издание книги Л. Штура «Славянство и мир будущего». Первое издание вышло в 1867 г., «в эпоху первого в России (московского) славянского съезда» [56: III]. Перевод, предисловие и комментарии в ней были сделаны В.И. Ламанским. В предисловии учёный отметил: «Ближайшие соседи и друзья Угорской Руси, словаки, служат посредствующим звеном между Русью и мораванами, и чехами с одной, и через свои многочисленные и цветущие поселения в средней Угрии между Тисою и Дунаем, между Русью и сербами и хорватами с другой стороны. Если русскому языку действительно суждено быть общеславянским дипломатическим языком, то его распространение у славян произойдёт преимущественно через Угорскую Русь и словаков» [55: VI].

В предисловии ко второму изданию К.Я. Грот написал: «Перепечатывая здесь, с благосклонного разрешения почтенного переводчика, трактат Штура в полном виде Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III сочло уместным снабдить своё издание вводной статьёй, несколькими дополнительными примечаниями проф. Т.Д. Флоринского, которому читатели будут, конечно, очень признательны за обстоятельное и живое ознакомление их с той эпохой, той средой и теми племенными, культурными и политическими условиями,

которые дали славянству мощную и глубоко симпатичную личность Л. Штура» [56: IV]. Издание было дополнено написанной Т.Д. Флоринским биографией Л. Штура, его портретом.

К.Я. Грот в некрологе И.П. Филевичу (1913 г.) подчеркнул, что «главное значение его жизни и трудов определяется его верным и беззаветным служением благу и интересам его собственной родины, многострадальной Холмской Руси и теми положительными для неё результатами, которые были достигнуты после долгой борьбы при его горячем и истинно компетентном участии. В этом заключается многотрудный и благородный подвиг его жизни, увенчавшийся перед кончиной его крупным успехом (решением участи Холмщины в смысле выделения её из Царства Польского), доставившим ему немалое нравственное удовлетворение». Значительной роли в решении этого вопроса И.П. Филевич смог достигнуть «благодаря своей специальной научной подготовке, благодаря тому весу, который придали его голосу серьёзные и важные труды, и исследования его в области истории Западной Руси и русско-польских отношений» [29: 27]. Переехав в Петербург И.П. Филевич выступает уже в роли публициста, популяризируя знания «по западнорусскому делу и, особенно, родной ему Холмщине», освещая западнорусский и польский вопросы, а выйдя в отставку полностью посвятил себя публицистики и общественной деятельности «в деле защиты прав и интересов русской народности в нашем западном крае и в многострадальной русской Холмщине» [29: 43–44].

В 1914 г. выходит труд К.Я. Грота «Австро-Венгрия, или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях». Как написал автор на титульном листе: «Продаётся в пользу жертв Великой освободительной борьбы с германством». Этот очерк был напечатан в 1905 г. Однако, «наша историческая литература об Австро-Венгрии крайне ничтожна и скудна. Она сравнительно очень бедна даже в научной своей части, не говоря уже о популярной». Это и привело к мысли о переиздании его отдельной брошюрой. В тоже время военные действия ведут к быстрому разгрому этого государства, «тюрьмы и векового насильника западного славянства» и «Россия обязана готовиться к едва ли не теперь уже отвратимому распаду отжившего и во всех отношениях несостоятельного организма и к авторитетному и влиятельному участию в плодотворной созидательной работе на его развалинах». Для этого необходима осведомлённость не только «о современном положении дел и внутренних отношениях в соседней Дунайской монархии», но и «исторические данные, их критическая оценка и основательное знакомство с прошлым Карпато-Дунайских земель» [30: III–V].

Ф.Ф. Зигель в своей рецензии сделал не только «беглый обзор содержания» очерка, но и «его подробную передачу», изложив «иногда словами почтенного автора содержание его своевременной и интересной книги». Также рецензент выразил ряд критических замечаний, обосновав их: «о политическом единстве Западной Европы можно говорить разве только в первые века после воскресения Западно-римской империи», нельзя согласиться с мнением «о полном тождестве целей германской империи и католицизма». Также Ф. Зигель дал ряд дополнений к очерку [37: 356, 360–362]. В частности, касаясь «изучения Карпато-Дунайских земель и Австро-Венгрии в русской литературе», он отметил появление трудов П.П. Митрофанова, а также, что «по австрийскому университетскому уставу 1893 г. было введено преподавание истории государства и общества австрийской монархии». Для нового предмета появились учебники немецкие, где немцы играют первейшую роль и книги, написанные славянскими учёными, где «отводится видное место государствам, вошедшим всецело или отчасти в австрийскую монархию» [37: 367].

Ф.Ф. Зигель указал, что «автор кладёт в основание своего труда положение знаменитого нашего слависта В.И. Ламанского о противоположности и борьбе западно-германского и греко-славянского миров. Это блестящее обобщение было затем воспринято в выдающемся сочинении Данилевского "Европа и Россия"» [37: 360].

Продолжил тему очерка К.Я. Грот в материале «Великая война и карпато-дунайская монархия (К освещению вопросов недалёкого будущего)», где он высказал ряд мыслей по будущему Карпато-Дунайских земель [31: 3].

Он писал, что никто уже не сомневается в неизбежности распада Австрии. Перед союзниками станет задача «естественного присоединения окраинных частей Австро-Венгрии: русской и польской, румынской, сербской, хорватской, словенской и итальянской к братским зарубежным державам, с созданием, в меру необходимости, согласно историческим и национальным условиям, автономных в их составе областей (например, польской под русской державой, хорватской и словенской под сербской)». Вместе с этим заметно желание «сохранить остов Австрии»: немецкой Австрии, Венгрии и земель Чешской короны [31: 5].

Автор считал, что сохранение «хотя бы и обкромсанной, умалённой и значительно обессиленной Австрии» «совершенно противно благу и интересам славянского мира» [31: 6]. Необходимо освободить от австрийского плена не только Чехию, но и всё западное славянство. Чехам здесь принадлежит первое место по их исторической и культурной роли. Второе основание: старое историческое право (права

чешской короны) [31: 7]. Таким образом, от дунайской монархии останутся две части: немецкая Австрия и мадьярская Венгрия. Дать возможность немецкой Австрии слиться с Германией – немыслимо, считал учёный, это только бы было на руку последней, которая после результатов войны получила бы приращение и новые силы [31: 8–9].

К сожалению, исследований, посвящённых К.Я. Гроту вышло мало. Его младший коллега по Императорскому Варшавскому университету В.А. Францев издал в 1935 г. в Праге книгу «К.Я. Грот», в которой кратко описал его научную деятельность и дал в приложении список трудов учёного [60]. Также библиография К.Я. Грота помещена в сборнике статей по славяноведению, изданного учениками В.И. Ламанского, опубликованного в 1905 г. [3].

О научной деятельности К.Я. Грота писали Л.П. Лаптева [40; 41; 42], М.А. Робинсон [48; 49; 50]. Заметки о нём есть в различных словарях и энциклопедиях [4; 35; 44; 54; 57]. Упоминается его имя в исследованиях по истории славяноведения [46; 51]. Большую ценность для изучения биографии и научной деятельности имеют его «Curriculum Vitae». Один (от декабря 1924 г.) хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН [34], другой, написанный в 1934 г., был обнаружен Л.П. Лаптевой в Архиве Чешской академии наук в Праге [41: 678].

В.А. Францев в работе, посвящённой К.Я. Гроту написал, что в истории отечественного славяноведения имя профессора Грота навсегда закрепило за собой почётное место, и славянство, особенно западное, всегда будет благодарно ему за все, что он сделал в русской науке для познания славянского мира, его исторических проблем, различных вопросов его культурной жизни [60: 35–36].

В очерке «К истории славяноведения в СССР» В.И. Пичета, касаясь вклада К.Я. Грота в развитие российского славяноведения, отметил: «К.Я. Грот сосредоточил все своё внимание на монографическом изучении славяно-мадьярских (венгерских) отношений. Следует отметить, что, как историк-исследователь, К. Я. Грот должен занять в истории славяноведения почётное место. Превосходное знание источников и литературы вопроса, осторожное, критическое отношение к своим предшественникам и источникам характерны для научного лица К.Я. Грота. Основные работы К. Я. Грота относятся к истории славянства, истории русского языка и русского просвещения». Говоря о труде К.Я. Грота «Из истории Угрии и славянства в XII веке», он считал, что это исследование «сохраняет своё значение и в настоящее время, поскольку в нем собран богатейший фактический материал» [46: 47].

В дореволюционном славяноведении К.Я. Грот, наряду с А.А. Кочубинским, А.Н. Пыпиным, И.В. Ягичем поставил «ряд важных вопросов периодизации истории отечественной славистики, в частности вопро-

сы о существе и временных рамках первого этапа её развития, об общественной значимости славяноведения и т. д.» [51: 6]. Ряд работ К.Я. Грота, в т. ч. его магистерская диссертация («Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в.» (1881)) и докторская диссертация («Из истории Угрии и славянства в XII веке» (1889)) не утратили своего значения и сегодня [51: 215].

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Б-в. Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141–1173), исследование Константина Грота. Варшава, 1889. Критика и библиография // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1890. № 39. Январь. С. 200–202.

2. Бестужев-Рюмин К.Н. Яков Карлович Грот (Некролог) // ЖМНП. Ч. 288. 1893. Июль. Отд. 4. С. 12–17.

3. Библиографические перечни учёных и учено-литературных трудов учеников В.И. Ламанского и их учеников. К.Я. Грот // Новый сборник статей по славяноведению. Сост. и изд. учениками В.И. Ламанского, при участии их учеников, по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905. С. XXVI–XXX.

4. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721–2.03.1917). Т. I. А–З / Сост. Е.Л. Потемкин. М., 2017. 622 с.

5. Васильевский В.Г. Из истории Угрии и славянства в XII веке. [Соч.] Константина Грота. Варшава, 1889. СПб.: тип. Императорской академии наук, 1892. 7 с.

6. Воробьева И.Г., Штыков Н.В. Славист К.Я. Грот и исследователь Тверского края А.К. Жизневский (по данным переписки) // Славянский альманах: 2008. М.: Издательство «Индрик», 2009. С. 149–164.

7. В.Ф. [Францев В.А.] Об изучении славянства // Варшавский дневник. 1901. № 11. 12 (25) января. С.2.

8. В.Ф. [Францев В.А.] Об изучении славянства // Варшавский дневник. 1901. № 13. 14 (27) января. С. 2–3.

9. Галицкая Русь прежде и ныне. Исторический очерк и взгляд на современное состояние Очевидца. СПб.: О-во ревнителей рус. ист. просвещения в память имп. Александра III, 1907. [6], 104 с.

10. Грот К.Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1881. [2], XXIV, 437 с.

11. Грот К.Я. Вступительная лекция профессора К.Я. Грота, читанная в Императорском Варшавском университете 16 сентября 1883 г. [Варшава, 1883]. 27 с.

12. Грот К.Я. Новые труды по истории Венгрии // Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его учёной и профессорской деятельности. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1883. С. 57–98.

13. Грот К.Я. Взгляд на подвиг славянских первоучителей с точки зрения их греческого происхождения // Мефодиевский юбилейный сборник, изданный Императорским Варшавским университетом к 6 апреля 1885 года, под ред. орд. проф. А. Будиловича. Варшава: тип. К. Ковалевского, 1885. С. 1–22.

14. Грот К.Я. Новый немецкий труд чешского слависта (J.L. Pic. Zur rumänisch-ungarischen Steitfrage. 1886). Критические заметки К.Я. Грота. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1886. 45 с.

15. Грот К.Я. Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141–1173). Варшава: тип. М. Земкевич, 1889. XX, 424, LXXVIII с., 1 л. табл.

16. Грот К.Я. История Венгрии // ЭСБЭ. Т. V^a (1892): Вальтер – Венути. СПб.: Гипотипография И.А. Ефрона, 1892. С. 887–896.

17. Грот К.Я. Магьяры и славяне в прошлом. Исторические справки о славизме в государственной жизни Угрии. Речь, составленная к торжественному акту в Императорском Варшавском университете 30 августа 1893 г. Варшава: типография Варшавского учебного округа, 1893. [2], 34 с.

18. Грот К.Я. А.Н. Ясинский. «Падение земского строя в Чешском государстве. X–XIII вв.» Киев, 1895. Рецензия профессора К.Я. Грота / Отчёт о присуждении премий проф. А.А. Котляревского в 1898 г. // СОРЯС. Т. 66. 1900. № 6. С. 106–200.

19. Грот К.Я. Славяноведение // ЭСБЭ. Т. XXX: Сим – Слюзка. СПб.: Типография Акц. общ. «Издательское дело», Брокгауз – Ефрон, 1900. С. 294–306.

20. Грот К.Я. Об изучении славянства. Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете и средней школе. СПб.: тип. Министерства путей сообщения (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1901. [4], 64 с.

21. Грот К.Я. Памяти Адольфа Ивановича Добрянского // Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного комитета. 1902. № 3. Декабрь. С. 16–22.

22. Грот К.Я. К истории славянского самосознания и славянских сочувствий в русском обществе (из 40 годов XIX столетия). Отдельный оттиск из №№ 195, 196, 197 и 198 «Правительственного вестника». СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, [1904]. 14 с.

23. Грот К.Я. Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях // Новый сборник статей по славяноведению. Сост. и изд. учениками В.И. Ламанского, при участии их учеников, по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905. С. 69–140.

24. Грот К.Я. Император Александр III в отношении своих к наставнику своей юности (Я.К. Гроту). (Несколько документов и современных свидетельств). СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1906. 6 с.

25. Грот К.Я. Памяти Антона Семёновича Будиловича // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1909. Т. 115. Март. С. 1097–1122.

26. Грот К.Я. Пушкинский лицей (1811–1817). Бумаги 1 курса, собр. акад. Я.К. Гротом. С прил. портр., факс. и рис., а также некоторых бумаг 3 и 6 курсов. СПб.: тип. Министерства путей сообщения (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1911. XXIV, 461 с., 4 л. ил.

27. *Грот К.Я.* Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота. (1812–1893). Хронологический обзор его жизни и деятельности (100-летней годовщине рождения академика 15 дек. 1912 г.). СПб.: тип. Министерства путей сообщения. (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1912. 51 с.

28. *Грот К.Я.* Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота (1812–1893). Вступительный очерк. Предки, семья, детство (К 100-летней годовщине рождения академика 15 декабря 1912 г.) // СОРЯС. Т. 90. 1912. № 1. С. 1–70.

29. *Грот К. И.П. Филевич (Некролог)* // ЖМНП. Новая серия. Ч. 45. Отд. IV. 1913. Май. С. 26–46.

30. *Грот К.Я.* Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях. Пг.: тип. Министерства путей сообщения (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1914. VI, [2], 118 с.

31. *Грот К.Я.* Великая война и Карпато-Дунайская монархия (К освещению вопросов недалёкого будущего). СПб.: тип. Министерства путей сообщения (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), [1914]. 10 с.

32. *Грот К.Я.* Владимир Иванович Ламанский ([ум.] 19 ноября 1914 г.). Пг.: тип. А.С. Суворина «Новое время», 1915. 25 с., портр.

33. *Грот К.Я.* Владимир Иванович Ламанский (умер 19 ноября 1914 г.) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 139. 1915. Январь. С. 208–229.

34. *Грот К.Я.* Curriculum Vitae. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 281. Оп. 1. Д. 139. Л. 14–19 об. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ostrov.ca/kgrot/cv.htm> (дата обращения 10.01.2022).

35. Грот Яков Карлович (1812–1897) // Русские филологи XIX века. Биобиблиографический словарь-справочник / Авт.-сост. М.Е. Бабичева [и др.]. М.: Совпадение, 2006. С. 179–184.

36. Данилевский Н.Я., Грот К.Я. О пути мадьяр с Урала в Лебедию. Заметки Н.Я. Данилевского и К.Я. Грота // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 19. 1883. Отд. 2. Вып. 3. С. 220–246.

37. *Зигель Ф.Ф.* Я.К. Грот. Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях. Петроград. 1914 ЖМНП. Новая серия. Ч. 56. 1915. Апрель. С. 355–368.

38. *Книжные новости. Галицкая Русь прежде и ныне* // ЖМНП. Новая серия. 1908. Январь. Ч. 13. С. 255.

39. К. Г-ъ (*Грот К.Я.*) О.А. Мончаловский. Житие и деятельность Ивана Наумовча. Изд. полит. Общ. «Русская Рада» во Львове. Стр. 112. Ц. 50 к. // Новое время. 1899. № 8501. 28 октября (7 ноября). С. 7.

40. *Лаптева Л.П.* Жизненный путь и творческая деятельность историка-слависта А.Н. Ясинского // Славянский альманах 2008. М.: Индрик, 2009. С. 97–148.

41. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 848 с.

42. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М.: Индрик, 2012. 840 с.

43. *Макушев В.* Три магистерских диссертации по славянской филологии // Русский филологический вестник. 1882. Т. 7. С. 140–156.
44. Немцы России энциклопедия. Т. 1. А–И / Редкол: В. Карев (пред. редкол.) и др. М.: «ЭРН, 1999. 832 с.
45. Памяти академика Якова Карловича Грота (род. 15 декабря 1812 г., сконч. 24 мая 1893 г.). Торжественное чествование 100-летней годовщины его рождения Императорской Академии наук 16 дек. 1912 г. Речи академика А.А. Шахматова, профессора. Е.В. Петухова и П.О. Морозова. Воспоминания академика И.В. Ягича и почётного академика А.Ф. Кони // СОРЯС. Т. 90. 1913. № 3. С. I–VI, 1– 87.
46. *Пичета В.* К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 36–62.
47. Придворный календарь на 1916 год. Пг.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг [1915]. VIII, 769 с.
48. *Робинсон М.А.* Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX – начала XX в. (В. И. Ламанский, П. А. Кулаковский, К. Я. Грот) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1986. С. 91–112.
49. *Робинсон М.А.* К.Я. Грот – общественные взгляды и судьба в науке (начало 30-х годов) // Славянский альманах 1997. М.: Индрик, 1998. С. 196–210.
50. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 432 с.
51. Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / Отв. ред.: академик Д.Ф. Марков, доктор исторических наук В.А. Дьяков. М.: Наука, 1988. 400 с.
52. Устав Русского собрания [утверждён 26 января 1901 года]. СПб.: типо-лит. В.В. Комарова, 1901. 15, [1] с.
53. *Фёдоров Е.* Константин Яковлевич Грот и родоведение. К 150-летию юбилею [Электронный ресурс] URL: <http://www.ostrov.ca/kgrot> (дата обращения 10.01.2022).
54. *Штакельберг Ю.И.* Грот Константин Яковлевич // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М.: Наука, 1979. С. 134–136.
55. *Штур Л.* Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная. Пер. неизд. нем. рукописи, с примеч. Владимира Ламанского. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1867. [2], VI, 191 с.
56. *Штур Л.* Славянство и мир будущего. С биографией Л. Штура и доп. примеч. проф. Т.Д. Флоринского и портр. авт. / Под ред. К.Я. Грота и Т.Д. Флоринского. Пер. неизд. нем. рукописи, с примеч. Владимира Ламанского. СПб.: О-во ревнителей русского исторического просвещения, 1909. XLVIII, 176 с., 1 л. портр.
57. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 597. Екатерининский собор в Царском селе. 1853 г. Л. 48 об.–49.
58. *Ю.Ш.* Грот Константин Яковлевич // Славянская энциклопедия. В 3 т.

/ Гл. редактор О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2020. Т. 1. А–К. С. 451–452.

59. Яцимирский А. Очевидец. Галицкая Русь прежде и ныне. СПб. 1907 // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1908. Т. 111. Январь–март. С. 714–715.

60. Francez V.A. K.J. Grot. V Praze: Nákladem České akademie ved a umení, 1935. 56 s., portrét.

61. Geni.com. Каролина Ивановна Грот (Стивенсон) [Электронный ресурс] URL: <https://www.geni.com/people/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0-%D0%93%D1%80%D0%BE%D1%82/4482833062600076617> (дата обращения 10.01.2022).

REFERENCES

1. A. B-v. (1890) *Iz istorii Ugrii i slavyanstva v XII veke (1141–1173)*, issledovanie Konstantina Grota. Varshava. 1889. *Kritika i bibliografiya* [From the history of Ugria and Slavdom in the 12th century (1141–1173), a study by Konstantin Grot. Warsaw. 1889. Criticism and bibliography]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal*. 39. January. pp. 200–202.

2. Bestuzhev-Ryumin, K.N. (1893) Yakov Karlovich Grot (Nekrolog) [Yakov Karlovich Grot (Obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 288. pp. 12–17.

3. Draganov, P.D. et al. (1905) *Novyy sbornik statey po slavyanovedeniyu* [New Collection of Articles on Slavic Studies]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. XXVII–XXX.

4. Potemkin, E.L. (ed.) (2017) *Biograficheskiy slovar'. Vysshie chiny Rossiyskoy imperii (22.10.1721–2.03.1917)* [The Biographical Dictionary. The highest ranks of the Russian Empire (10/22/1721–03/2/1917)]. Vol. 1. Moscow: [s.n.].

5. Vasilievskiy, V.G. (1892) *Iz istorii Ugrii i slavyanstva v XII veke. [Soch.] Konstantina Grota. Varshava, 1889. Retz. akad. V. Gr. Vasil'evskogo* [From the History of Ugria and Slavdom in the 12th Century. By Konstantin Grot. Warsaw: [s.n.] Review by Academician V. Vasilevsky]]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

6. Vorobieva I.G. & Shtykov, N.V. (2009) Slavist K.Ya. Grot i issledovatel' Tverskogo kraya A.K. Zhiznevskiy (po dannym perepiski) [Slavist K.Ya. Grotto and the researcher of Tver Region A.K. Zhiznevsky (according to correspondence)]. *Slavyanskiy al'manakh*. 2008. pp. 149–164.

7. V.F. [Frantsev, V.A.] (1901a) *Ob izuchenii slavyanstva* [On the study of Slavism]. *Varshavskiy dnevnik*. 12th (25th) January. p. 2.

8. V.F. [Frantsev, V.A.] (1901b) *Ob izuchenii slavyanstva* [On the study of Slavism]. *Varshavskiy dnevnik*. 14th (27th) January. pp. 2–3.

9. Grot, K.Ya. (ed.) (1907) *Galitskaya Rus' prezhde i nyne. Istoricheskiy ocherk i vzglyad na sovremennoe sostoyanie Ochevidtsa* [Galician Rus Before and Now. Historical Essay and an Eyewitness's Look at the Current State]. St. Petersburg: The Alexander III Society of Zealots of Russian Historical Enlightenment.

10. Grot, K.Ya. (1881) *Moraviya i mad'yary s poloviny IX do nachala X veka*

[Moravia and the Magyars from the Half of the 9th to the Early 10th Centuries]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

11. Grot, K.Ya. (1883) *Vstupitel'naya lektsiya professora K.Ya. Grot, chitannaya v Imperatorskom Varshavskom universitete 16 sentyabrya 1883 g.* [Introductory lecture by Professor K.Ya. Grot at the Imperial Warsaw University on September 16, 1883]. Warsaw: [s.n.].

12. Grot, K.Ya. (1883) *Novye trudy po istorii Vengrii* [New works on the history of Hungary]. In: Grot, K.Ya. et al. *Sbornik statey po slavyanovedeniyu, sostavlennyy i izdannyy uchenikami V.I. Lamanskogo po sluchayu 25-letiya ego uchenoy i professorskoy deyatelnosti* [Collection of articles on Slavic studies, compiled and published by the students of V.I. Lamansky on the occasion of the 25th anniversary of his scholarly and professorial activity]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 57–98.

13. Grot, K.Ya. (1885) *Vzglyad na podvig slavyanskikh pervouchiteley s tochki zreniya ikh grecheskogo proiskhozhdeniya* [A look at the feat of the Slavic first teachers from the point of view of their Greek origin]. In: Budilovich, A. (ed.) *Mefodievskiy yubileyyny sbornik, izdannyy Imperatorskim Varshavskim universitetom k 6 aprelya 1885 goda* [The Methodius Jubilee Collection, published by the Imperial Warsaw University on April 6, 1885]. Warsaw: K. Kovalevsky. pp. 1–22.

14. Grot, K.Ya. (1886) *Novyy nemetskiy trud cheshskogo slavista (I.L. Pic. Zur rumänisch-ungarischen Steitfrage. 1886). Krit. zametki K.Ya. Grot* [New German work of the Czech Slavist (I.L. Pic. Zur rumänisch-ungarischen Steitfrage. 1886). Critical notes by K.Ya. Grot]. St. Petersburg: V.S. Balashev.

15. Grot, K.Ya. (1889) *Iz istorii Ugrii i slavyanstva v XII veke (1141–1173)* [From the History of Ugria and Slavdom in the 12th Century (1141–1173)]. Warsaw: M. Zemkevich.

16. Grot, K.Ya. (1892) *Istoriya Vengrii* [History of Hungary]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Vol. Va. St. Petersburg: I.A. Efron. pp. 887–896.

17. Grot, K.Ya. (1893) *Mad'yary i slavyane v proshlom. Istoricheskie spravki o slavizme v gosudarstvennoy zhizni Ugrii. Rech', sost. k torzhestv. aktu v imp. Varsh. un-te 30 avg. 1893 g.* [The Magyars and the Slavs in the past. Historical information about Slavism in the public life of Ugria. Speech to the celebration in the Imperial Warsaw University on August 30, 1893]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.

18. Grot, K.Ya. (1900a) A.N. Yasinskiy. "Padenie zemskogo stroya v Cheshskom gosudarstve". X–XIII vv. Kiev, 1895. *Retsenziya professora K.Ya. Grot* [A.N. Yasinsky. "The Fall of the Zemstvo System in the Czech State. The 10th – 13th centuries." Kyiv, 1895. Review by Professor K.Ya. Grot]. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*. 66(6). pp. 106–200.

19. Grot, K.Ya. (1900b) *Slavyanovedenie* [Slavic studies]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Vol. 30. pp. 294–306

20. Grot, K.Ya. (1901) *Ob izuchenii slavyanstva. Sud'ba slavyanovedeniya i zhelatel'naya postanovka ego prepodavaniya v universitete i sredney shkole* [On

the study of Slavism. The fate of Slavic studies and its teaching objectives at the university and secondary school]. St. Petersburg: Ministry of Transportation.

21. Grot, K.Ya. (1902) Pamyati Adol'fa Ivanovicha Dobryanskogo [In memory of Adolf Ivanovich Dobryansky]. *Izvestiya S.-Peterburgskogo Slavyanskogo blagotvoritel'nogo komiteta*. 3. pp. 16–22.

22. Grot, K.Ya. (1904) *K istorii slavyanskogo samosoznaniya i slavyanskikh sochuvstviy v russskom obshchestve (iz 40-kh godov XIX stoletiya)* [On the history of Slavic self-consciousness and Slavic sympathy in Russian society (from the 1840s)]. A separate print from Nos. 195, 196, 197, and 198 of "Pravitel'stvenniy vestnik." St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.

23. Grot, K.Ya. (1905) Karpato-dunayskie zemli v sud'bakh slavyanstva i v russskikh istoricheskikh izucheniyakh [Carpathian-Danubian lands in the fate of the Slavs and in Russian historical studies]. In: Draganov, P.D. et al. (1905) *Novyy sbornik statey po slavyanovedeniyu* [New Collection of Articles on Slavic Studies]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 69–140.

24. Grot, K.Ya. (1906) *Imperator Aleksandr III v otnosheniyakh svoikh k nastavniku svoey yunosti Ya.K. Grotu* [Emperor Alexander III in his relationship to the mentor of his youth Ya.K. Grot]. St. Petersburg: M. Stasyulevicha.

25. Grot, K.Ya. (1909) Pamyati Antona Semenovicha Budilovicha [In memory of Anton Semyonovich Budilovich]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal*. 115. pp. 1097–1122.

26. Grot, K.Ya. (1911) *Pushkinskiy litsey (1811–1817). Bumagi 1-go kursa, sobr. akad. Ya.K. Grotom (s pril. portr., faks. i ris., a takzhe nekotorykh bumag 3 i 6 kursov)* [Pushkin Lyceum (1811–1817). Papers of the 1st course, collected by Acad. Ya.K. Grot (with portraits, facs. and drawings, as well as some papers of 3rd and 6th courses)]. St. Petersburg: Ministry of Transportation.

27. Grot, K.Ya. (1912) *Materialy dlya zhizneopisaniya akademika Yakova Karlovicha Grota (1812–1893). Khronologicheskiy obzor ego zhizni i deyatel'nosti (K 100-letney godovshchine rozhdeniya akademika 15 dek. 1912 g.)* [Materials for the biography of Academician Yakov Karlovich Grot (1812–1893). A chronological review of his life and work (On the 100th anniversary of the Academician's birth on December 15, 1912)]. St. Petersburg: Ministry of Transportation.

28. Grot, K.Ya. (1912) *Materialy dlya zhizneopisaniya akademika Yakova Karlovicha Grota (1812–1893). Vstupitel'nyy ocherk. Predki, sem'ya, detstvo (K 100-letney godovshchine rozhdeniya akademika 15 dekabrya 1912 g.)* [Living materials descriptions of academician Yakov Karlovich Grot (1812–1893). An introductory essay. Ancestors, family, childhood (To the Centennial of the Academician's birth on December 15, 1912)]. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*. 90(1). pp. 1–70.

29. Grot, K. (1913) I.P. Filevich (nekrolog) [I.P. Filevitch (Obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya*. 45. pp. 26–46.

30. Grot, K.Ya. (1914a) *Avstro-Vengriya, ili Karpato-dunayskie zemli v sud'bakh slavyanstva i v russskikh istoricheskikh izucheniyakh* [Austria-Hungary, or the Carpatho-Danubian lands in the fate of the Slavs and in Russian historical studies]. Petrograd: Ministry of Transportation.

31. Grot, K.Ya. (1914b) *Velikaya voyna i karpato-dunayskaya monarkhiya (k*

osveshcheniyu voprosov nedalekogo budushchego) [The Great War and the Carpatho-Danubian Monarchy (Toward the Coverage of Issues of the Near Future)]. St. Petersburg: Ministry of Transportation.

32. Grot, K.Ya. (1915) *Vladimir Ivanovich Lamanskiy* ([um.] 19 noyabrya 1914 g.) [Vladimir Ivanovich Lamansky (died November 19, 1914)]. Petrograd: A.S. Suvorin.

33. Grot, K.Ya. (1915) Vladimir Ivanovich Lamanskiy (umer 19 noyabrya 1914 g.) [Vladimir Ivanovich Lamansky (died November 19, 1914)]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal*. 139. pp. 208–229.

34. Grot, K.Ya. (n.d.) *Curriculum Vitae*. The St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPF ARAN). Fund 281. List 1. File 139. pp. 14–19. [Online] Available from: <http://www.ostrov.ca/kgrot/cv.htm> (Accessed: 10th January 2022).

35. Babichev, M.E. et al. (eds) (2006) *Russkie filologi XIX veka. Biobibliograficheskiy slovar'-spravochnik* [Russian Philologists of the 19th century. A Biobibliographic Dictionary-Reference Book]. Moscow: Sovpadenie. pp. 179–185.

36. Danilevskiy, N.Ya. & Grot, K.Ya. (1883) O puti mad'yar s Urala v Lebediyu [On the path of the Magyars from the Urals to Lebedia]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 19(3). pp. 220–246.

37. Siegel, F.F. (1915) Ya.K. Grot. Avstro-Vengriya ili karpato-dunayskie zemli v sud'bakh slavyanstva i v russkikh istoricheskikh izucheniyakh. Petrograd. 1914 [Ya.K. Grotto. Austria-Hungary or the Carpathian-Danubian lands in the fate of the Slavs and in Russian historical studies. Petrograd. 1914]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya*. 56. pp. 355–368.

38. Anon. (1908) Knizhnye novosti. Galitskaya Rus' prezhde i nyne [Book news. Galician Rus before and now]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya*. 13. pp. 255.

39. K.G. (Grot, K.Ya.) (1899) O.A. Monchalovskiy. Zhitie i deyatel'nost' Ivana Naumovcha. Izd. polit. Obshch. "Russkaya Rada" vo L'vove. Str. 112. Ts. 50 k. [O.A. Monchalovsky. Life and work of Ivan Naumovcha. By the political society "Russian Rada" in Lvov. Page 112. 50 k]. *Novoe vremya*. 28th October (7th November). pp. 7.

40. Lapteva, L.P. (2009) Zhiznennyy put' i tvorcheskaya deyatel'nost' istorikoslavista A.N. Yasinskogo [The life path and creative activity of the historian-Slavist A.N. Yasinsky]. *Slavyanskiy al'manakh 2008*. pp. 97–148.

41. Lapteva, L.P. (2005) *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke* [History of Slavic studies in Russia in the 19th century]. Moscow: Indrik.

42. Lapteva, L.P. (2012) *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX – pervoy treti XX v.* [The History of Slavic Studies in Russia in the late 19th – the first third of the 20th century]. Moscow: Indrik.

43. Makushev, V. (1882) Tri magisterskikh dissertatsii po slavyanskoy filologii [Three master's theses in Slavic philology]. *Russkiy filologicheskiy vestnik*. 7. pp. 140–156.

44. Karev, V. et al. (eds) *Nemtsy Rossii entsiklopediya* [Germans of Russia Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: ERN.

45. Shakhmatov, A.A., Petukhov, E.V., Morozov, P.O., Yagich, I.V. & Koni, A.F.

(1913) Pamyati akademika Yakova Karlovicha Grota (rod. 15 dekabrya 1812 g., skonch. 24 maya 1893 g.). Torzhestvennoe chestvovanie 100-letney godovshchiny ego rozhdeniya Imperatorskoy Akademii nauk 16 dek. 1912 g. Rechi akademika A.A. Shakhmatova, professora. E.V. Petukhova i P.O. Morozova. Vospominaniya akademika I.V. Yagicha i pochetnogo akademika A.F. Koni [In memory of Academician Yakov Karlovich Grot (born December 15, 1812, died May 24, 1893). Solemn celebration of the 100th anniversary of his birth by the Imperial Academy of Sciences, 16 December 1912. Speeches of Academician A.A. Shakhmatov, Professors E.V. Petukhov and P.O. Morozov. Memoirs of Academician I.V. Yagich and Honorary Academician A.F. Koni]. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*. 90(3). pp. I–VI, 1–87.

46. Picheta, V. (1941) K istorii slavyanovedeniya v SSSR [On the history of Slavic studies in the USSR]. *Istoriik-marksist*. 3. pp. 36–62.

47. Russia. (n.d.) *Pridvornyy kalendar' na 1916 god* [Court Calendar for 1916]. Petrograd: R. Golike and A. Vilborg partnership.

48. Robinson, M.A. (1986) Metodologicheskie voprosy v trudakh russkikh slavyanovedov kontsa XIX – nachala XX v. (V.I. Lamanskiy, P.A. Kulakovskiy, K.Ya. Grot) [Methodological issues in the works of Russian Slavic scholars of the late 19th – early 20th century. (V.I. Lamansky, P.A. Kulakovsky, K.Ya. Grot)]. In: Dyakov, V.A. (ed.) *Istoriografiya i istochnikovedenie stran Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy* [Historiography and Source Study of the Countries of Central and South-Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 91–112.

49. Robinson, M.A. (1997) K.Ya. Grot – obshchestvennye vzglyady i sud'ba v nauke (nachalo 30-kh godov) [K.Ya. Grot – public views and fate in science (early 1830s)]. *Slavyanskiy al'manakh 1997*. pp. 196–210.

50. Robinson, M.A. (2004) *Sud'by akademicheskoy elity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-kh godov)* [The Fate of the Academic Elite: Domestic Slavic Studies (1917 – early 1930s)]. Moscow: Indrik.

51. Markov, D.F. & Dyakov, V.A. (eds) (1988) *Slavyanovedenie v dorevolyutsionnoy Rossii: Izuchenie yuzhnykh i zapadnykh slavyan* [Slavic Studies in Pre-Revolutionary Russia: The Study of the Southern and Western Slavs]. Moscow: Nauka.

52. Russia. (1901) *Ustav Russkogo sobraniya [utverzhdzen 26 yanvarya 1901 goda]* [The Charter of the Russian Assembly [approved on January 26, 1901]]. St. Petersburg: V.V. Komarov.

53. Fedorov, E. (n.d.) *Konstantin Yakovlevich Grot i rodovedenie. K 150-letnemu yubileyu* [Konstantin Yakovlevich Grotto and Genealogy. To the 150th anniversary]. [Online] Available from: <http://www.ostrov.ca/kgrot> (Accessed: 10th January 2022).

54. Stackelberg, Yu.I. (1979) Grot Konstantin Yakovlevich. In: Dyakonov, V.A. (ed.) *Slavyanovedenie v dorevolyutsionnoy Rossii. Biobibliograficheskiy slovar'* [Slavic Studies in Pre-Revolutionary Russia. Biobibliographic Dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 134–136.

55. Shtur, L. (1867) *Slavyanstvo i mir budushchego. Poslanie slavyanam s beregov Dunaya* [Slavdom and the World of the Future. Message to the Slavs

from the Banks of the Danube]. Translated from German by V. Lamansky. Moscow: O-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te.

56. Shtur, L. (1909) *Slavyanstvo i mir budushchego. S biogr. L. Shtura i dop. primech. prof. T.D. Florinskogo i portr. avt.* [Slavism and the World of the Future. From the biography of L. Shtur and additional notes by Prof. T.D. Florinsky and the author's portrait]. Translated from German by V. Lamansky. SPb.: Obshchestvo revnitelei russkogo istoricheskogo prosveshcheniya.

57. *Ekaterininskii sobor v Tsarskom sele* (1853). Central State Historical Archive of St. Petersburg (TSGIA SPb). Fund 19. List 125. File 597.

58. Yu.Sh. (2020) Grot Konstantin Yakovlevich. In: Platonov, O.A. (ed.) *Slavyanskaya entsiklopediya: v 3 t.* [Slavic Encyclopedia: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Institute of Russian Civilization. pp. 451–452.

59. Yatsimirskiy, A. (1908) Ochevidets. Galitskaya Rus' prezhde i nyne. SPb., 1907 [An Eyewitness. Galician Rus Before and Now]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal.* 11. pp. 714–715.

60. Francev, V.A. (1935) *K.J. Grot.* V Praze: Nákladem České akademie ved a umení.

61. Geni.com. Karolina Ivanovna Grot (Stivenson). [Online] Available from: <https://www.geni.com/people/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0-%D0%93%D1%80%D0%BE%D1%82/4482833062600076617> (Accessed: 10th January 2022).

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru